

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

РЕКИ ПОМНЯТ СВОИ БЕРЕГА

РОМАН*

Часть вторая

КУКУШКИНЫ СЛЁЗКИ

Глава I

— Оставим всё как есть. А тебя перебросим на другой участок.

— Нет.

Начальник Оперативного управления снова вчитался в рапорт Егора, словно в нём могли появиться какие-то новые объяснения по поводу его увольнения из налоговой полиции.

Сам Егор отрешённо глядел в окно. Оно располагалось ниже бетонного забора, выкрашенного в жёлтый цвет, и капитан поймал себя на мысли: а ведь это тупик. За последние два года он успел побывать и рядовым бойцом в Персидском заливе, и диверсантом в Колумбии, и политическим вредителем для Прибалтики, и охранником у Президента, и почти Героем несуществующей ныне страны. А теперь вот скатился до “семёрочника” с их легендарным, но слишком уж специфичным ДОФУ¹. И вынужден сидеть за жёлтым, как в психушке, забором, пряча лицо даже от сослуживцев по Марсейке. “Групповых фото не делать, из полиции дружбу ни с кем особо не заводить, потому что в любой момент можем пойти по следу какого-нибудь “оборотня”, — не уставал повторять розыскникам начальник управления.

Итог жизни и службы?

— Не хочу. Не моё, — повторил в который раз Егор.

— Мы ещё долго будем встречать своих друзей, знакомых и даже родственников в самых неожиданных местах при самых невероятных ситуациях, — словно для самого себя тихо проговорил генерал, не обратив на закливание капитана никакого внимания. Налил в чашку кипятка, но не для чая, а чтобы согреть на ней руки. Объяснился: — Потому что мы не сбежали, остались в стране, а в ней каждый выживает, как может. Время паскудное, всех жалко, но если останемся благородненькими, потеряем не только друзей, но и государство.

Егор усмехнулся. Но не словам генерала, а дежа-вю: ещё совсем недавно его точно так же уговаривали остаться служить в ГРУ и в “девятке” —

* Журнальный вариант. Продолжение. Начало см. в №10 за 2020 год.

¹ ДОФУ: “Дмитрий” — досмотр квартир негласный, “Ольга” — прослушка, “Фёдор” — фото скрытой камерой, “Ульяна” — сбор компромата.

и неизменно в интересах Отечества. Он оставался, служил, но что толку, если и страны, по большому счёту, уже нет.

— На “гражданке” нам без нормальной профессии только два пути, — продолжал размышлять генерал. — Первый — самому пойти в бизнес, что автоматически означает криминал. Второй — лечь под кого-то. Третьего ларца не откроется.

— Пробьёмся, — не согласился с обоими вариантами Егор. Он не намерен ни под кого ложиться. Позвонит “кап-разу” и уйдёт к нему в охранники.

— Это твоё дело, но... жаль. Мы бы сработались, — не уловив в голосе подчинённого сомнений, подвинул к себе рапорт генерал. Ещё мгновение подарил Егору на раздумье, отвинчивая колпачок на чернильной авторучке. Потом столько же — выбирая место для подписи. И, наконец, примериваясь к ней. Ну же, не стоит трепать нервы...

Треплет!

Резким движением начальник отодвинул рапорт. Повернувшись в кресле, открыл дверцу стоявшего за спиной сейфа. Взял лежавшую сверху прозрачную папку с парой листочков внутри. Похоже, они касались Егора, потому что генерал улыбнулся ему:

— Тут из администрации Президента прислали твоё представление на Героя. Уважаю. Но... Поскольку этого звания уже нет, есть предложение представить тебя к ордену “За личное мужество”. Не против?

Егор нервно, коротко хохотнул. Отыскалась пропаша. В таком усечённом виде? Только если не Герой, то и другого не надо.

— Я понимаю, не равноценно, но от паршивой овцы...

— Я не паршивым овцам служил, товарищ генерал! Родине.

— Извини. Ты прав.

Генерал собрал в одну стопку и наградные листы, и рапорт, отправил в сейф. Зато оттуда извлеклась пухлая, едва удерживаемая тесёмками, очередная папка. Приподнял её, чтобы посторонний не смог увидеть ни одной строчки. Всё правильно, Егор теперь — посторонний...

— Здесь всё о фигурантах, которых ты вёл. Но, как понимаешь...

— Я пока при погонах.

Однако генерал раскрывать папку не стал по другой причине: знал содержимое наизусть. Подвинул чистый лист бумаги, набросал на нём несколько квадратов, соединил их стрелами.

— Это — бумажный магнат Швеции. Это — карельский целлюлозно-бумажный комбинат, который даёт продукцию не хуже шведской и является, естественно, первым конкурентом в регионе. Шведы знакомятся с главным лесничим Карелии... Чему улыбаешься?

— Мой отец — тоже лесничий. Охраняет чернобыльский лес.

— Ну-у, с ним вряд ли кто станет знакомиться, Чернобыль никому не нужен. А тут после знакомства лесничий выкупает несколько акций комбината и убеждает рабочих, что если на комбинат придёт иностранец, то он модернизирует производство, найдёт заказы, пойдут зарплаты — короче, набор дежурных обещаний для попадания в рай. Так в России появляется некий господин Карл Оберг, который женится на русской... А теперь рассказываю инструкцию, как грабят Россию.

Генерал и впрямь достаточно подробно изучил карельское дело, потому что без запинки принялся раскладывать по полочкам аферу:

— Новое руководство остановило комбинат якобы на профилактику. Прекратив попутно подачу горячей воды в город.

— А что, на город одна котельная?

— Одна, потому что он и строился вокруг комбината. Наступила осень, и замерзающие жители принялись бунтовать. Одним из условий возобновления работы котельной швед потребовал ни много ни мало — аренду лесных участков, где были сосредоточены основные запасы сосновой древесины. Плюс право её рубки без оплаты лесных податей. Плюс пятикратное сокращение численности рабочих.

— Зачем? — на этот раз искренне удивился Егор. — Ведь добыча-то увеличивается.

— А лес пошёл в Швецию, им на переработку, — как перед маленьким, который ищет спрятанную конфетку, развёл руками генерал. — Зато на самом комбинате под лозунгом замены оборудования начинался его полный демонтаж. Вместе с разборкой самого здания. Но!

Тут оперативник сделал театральную паузу, давая единственному зрителю понять, что только теперь он приступает к самому главному. А чтобы ничего не упустить, всё же подвинул к себе суфлёра — папку с документами:

— Демонтировалась одна из самых современных бумагоделательных машин, — одна стопка документов из папки перекочевала на правый угол стола. — Под ликвидацию также попали две установки непрерывной варки, — вправо отправился ещё один документ. — Разобрали здание гидролизного завода. Корпуса, где изготовлялась сухая целлюлоза. Остановилась станция для сжигания отходов и получения пара, необходимого для производства бумаги, — документы перемещались на столе конвейером. — Цех по производству бумажных мешков, способный производить до миллиарда штук в год, сворачивал производство до двадцати миллионов.

Две стопки оказались почти равными, в левой наверняка хранился компромат на шведа, который требовалось получить через Иру. Но Егор попробовал если не защитить её, то хотя бы разделить на всех ответственность за произошедшее:

— А куда мы смотрели?

— А кто ныне разрешит даже нам, налоговой полиции, смотреть в чужой двор? Да ещё иностранный? Недемократично и не по-рыночному, иначе ты враг перестройки. Единственная зацепка, по которой мы могли работать, — это добыть документы и доказать, что всё делалось по злему умыслу и предварительному сговору.

— А... швед давно на крючке?

— Как только заполучил комбинат.

Значит, после отъезда Иры. А если тень падёт и на Олича? Или брат за сестру не отвечает? Какие нынче времена за окном? Где сам Максим, на каком “холоде”?

— К нам пришла информация, что новое руководство снизило требования к качеству продукции. А это мгновенно дискредитировало комбинат на мировом рынке, — продолжил генерал, дав подчинённому время обдумать услышанное. — Снизилась выручка, и буквально за несколько недель комбинат стал работать в убыток. И это при том, что управленческие расходы увеличились в десятки раз — то есть деньги уходили в наличку. Наша бумага, которая давила конкурентов на Лондонской бирже, фактически сошла “на нет”, оставив на рынке только шведов. Единственное, что сохранилось в рабочем состоянии, — это варочное, вредное производство.

“Господи, чем я занимаюсь? Какого чёрта мне всё это надо? — с тоской глянул Егор в окно. Узкая полоска серого неба над жёлтым забором... Ничего не изменилось, ничто никуда не исчезло... — Почему я вообще здесь, в этой системе? Я, разведзверь! Превращаюсь в ищейку?”

— И что дальше с вредным производством? — спросил, лишь бы мысли о прошлой службе не задавили полностью.

Ответить не дал телефонный звонок. Однако генерал даже не обернулся на тумбочку с телефонами, посчитав разговор с Егором более важным:

— А под него шведы планируют получить международный кредит. На решение экологических проблем края. Эти документы вы тоже должны были добыть в поезде у курьера. Потому что вопросы экологии уже “решены”: Оберг сумел договориться с международными и нашими экологическими организациями, что к комбинату штрафные санкции применяться не будут. То есть деньги — снова себе в карман, а экология Карелии — по боку. Всё. Отчёт закончен. Чай будешь? А я с семи утра, как студент перед зачётом, — хлопнул ладонью по стопке книг по бухучёту. Сделал глоток остывшего чая. — А возвращаясь к нашим баранам, то есть к шведам, — думай,

насколько тебе постыдно пресекать такой бандитизм в отношении собственной страны.

Генерал оглянулся на телефоны, но они молчали. Кивнул на сейф, поглотивший рапорт Егора:

— А с этим давай всё же повременим. А тебя и впрямь перебросим на какое-нибудь другое направление. Хочешь сталью заняться? Или рыбой? Нефтью? Везде бардак, и везде всё мимо кассы. Сутки на размышления. Иди.

Егор ни настаивать на своём, ни просить о чём-либо не стал. По мере того как ему раскрывалась афера с лесом, терялась единственная зацепка за гражданскую жизнь: он не пойдёт служить к “кап-разу”, которого самого в пору вытаскивать из клоаки. А в первую очередь всё же надо оградить от шведа Иру. Даже несмотря на то, что у них будет ребёнок...

В свой кабинет не стал возвращаться, толкнул дверь на улицу. Когда-то она не хотела открываться и впускать его в здание. Как невнимательны мы к приметам!

Ветер выворачивал зонты у прохожих, заставлял втягивать головы в плечи. Холодный дождь замыкал людей в себе, горизонт для них заканчивался если не козырьком собственной шляпы, то всего лишь пятками впереди идущего человека. Однако не успел Егор сделать несколько шагов в сторону метро, как через дорогу наперерез машинам к нему перебежала Оля. Уже приставлена следить за ним? Есть и такой способ — демонстративная слежка, с давлением на психику...

— Привет.

Оля покраснела, опустила взгляд: ни для кого не секрет, что мужчина начинает ненавидеть ту женщину, которая увидела его слабым. Но пересилила себя и спросила:

— Тебе чем-нибудь помочь?

— Мне?

Подобного участия Егор Буерашин не ожидал. Слёзы, истерика, ненависть, презрение — первым в патронташе оставленной женщины лежит именно этот арсенал. Оля не такая? Собственно, он её и не оставляет. Оставить можно то, что тебе принадлежало. А стоявшая перед ним девушка — просто случайная знакомая. Которая, тем не менее, своей самоотверженностью заслуживала большего к себе уважения. А обиды он мог оставить при себе...

— Слушай, а как ты сегодня после работы? Давай хоть раз поужинаем вместе. Вон что-то рыбное напротив, — кивнул на вывеску с варёными раками.

У Оли имелось свободное время и сейчас, но она чутко уловила: на данную минуту Егор хочет остаться один. А вечером — так вечером. Улыбнулась, кивнула и исчезла, растворилась среди толпы одиноких прохожих. Добрый человек, добровольно ставший серой мышкой...

“И при этом никто не тянул за язык”, — вздохнул Егор, потому что вечером уж тем более он не хотел бы ни с кем встречаться. Ему надо думать, что делать с Ирой. Она обещала позвонить, не разрешив проводить себя с вокзала. Куда уехала на такси? К бывшему мужу? Максима ведь нет в Москве... Или передавать документы? Пошла ли за ней другая “наружка”?

Тронулся в сторону метро, увёртываясь от зонтов, выставленных щитами. Ах, Москва, Москва... Умеющая одновременно быть и убогой, и величавой. Чванливая к одним и готовая делиться последним с другими. Возвышающая людей и унижающая их до пыли под подошвами чиновников. Город-мечта и город-проклятие. Место, где среди многомиллионной толпы можно испытать страшное одиночество и где невозможно остаться наедине со своими мыслями.

— Разрешите, — попросили его обогнать две девушки, боявшиеся оторваться мизинчиками друг от друга.

Разрешает. Всем всё разрешает. А сам ступает с узкого тротуара в лужу...

Но и в ней не нашлось покоя: паркующийся джип помигал фарами — освободи местечко. Хоть обратно лети в Колумбию, в пещеру, где он был нужен всем.

Ноги промокли, и он возвратился в здание. В кабинете на столе лежала оставленная напарником бумажка с написанным телефоном. Ира! Позвонить мог кто угодно, но он почувствовал — она. Если бы сосед знал, какая женщина звонила, он бы выводил каждую циферку каллиграфическим почерком.

Схватился за трубку.

— Егорушка, милый.

Егор обомлел. Так его ещё никто не называл с детства. Но испугался другого — нутром почувствовал, что у Иры уже что-то произошло. Оттянул ворот рубашки с удушливой петлёй галстука, обреченно готовясь услышать подтверждение догадке.

— Я могу попросить тебя о встрече?

— Куда подъехать?

— Давай просто погуляем после работы. На “Пушкинской”.

“Около “Пушкинской” газета “Известия”, — машинально отметил Егор. — И первый в стране “Макдоналдс”.

Нет, это была не машинальность — он прятался за известные ему штрихи, чтобы не думать о том, что могло произойти с Ирой. А думать придётся...

И только выбежав уже в сумерках из здания и увидев на противоположной стороне Олю, вспомнил о своём обещании ей поужинать кривыми. Стал как вкопанный. Влетел. Сразу четырьмя колёсами в такую выбоину...

Оля, вначале легко махнувшая рукой, настороженно замерла, увидев, как Егор с усилием заставляет себя переходить дорогу. И едва он оказался рядом, сложила в мольбе руки:

— Прости, но... меня бросают на передовую. Кто-то из девочек заболел...

Егор не смог скрыть просветления на лице. Неужели не придётся выкручиваться?

— Ну вот... Тогда, может, завтра?

— Давай сначала посмотрим, что будет завтра, — не стала торопить события Оля.

— Хорошо, — охотно согласился и с этим Егор. Не сдержавшись, посмотрел на часы — Ира начинает собираться на встречу. А с Олей он обязательно сходит поужинать. В лучший ресторан. Таким женщинам, как она, должно доставаться всё самое лучшее.

— До завтра, — словно почувствовав его нетерпение и спешку, отпустила Оля.

Когда Егор, торопливо кивнув, исчез за прохожими, горько усмехнулась. Подошла к телефону-автомату. Кусая губы, медленно набрала номер.

— Это я. Уговорили: я выхожу сегодня в ночь.

— Но ты только что...

— Всё течёт, всё меняется.

— Ладно, меня уговаривать не надо. Но как только тебе потребуется день... Или ночь... И не будем смешить ничьи подковы.

— Не потребуются, — оборвала Оля и нажала на рычажки. — Не потребуются, — повторила для себя и, не выдержав наигранности, расплакалась.

Улыбка сошла и с лица Иры, когда она увидела идущего к ней по лужам, тараном сквозь толпу, в распахнутой ветровке Егора. На что-то решившегося. А ей не нужно сейчас никаких резких движений. Никаких! “Умоляю!” — поспешила выбросить ему навстречу то ли белый флаг, то ли щит. Не заметил, прошёл сквозь женскую мольбу и попросил сам:

— Бросай всё и всех, будь со мной.

Ответ безошибочно прочёл в потухшем взгляде Иры: идти в девятиметровку общежития с общим коридором и общим туалетом? В ситуации, когда неизвестно, как пройдут роды? Часами бегать по Москве за пакетом молока?

Скорее всего, было ещё что-то в этом потухшем взгляде, но Ира умоляла больше не терзать её сердце. Потому что... потому что она боялась поддаться чувствам, забыв про разум. И тогда... Нет-нет, заглядывать за черту

опасно, за ней размоется сознание, а похмелье окажется горьким. Не по восемнадцать лет обоим. Просто не там бродили их ножки по стёжкам-дорожкам в юности, если не соприкоснулись. А сейчас слишком поздно что-то менять...

Прикрыл глаза и Егор, гася свою вспышку. С этим теперь надлежало как-то жить — Ира никогда не станет его. Она, собственно, и не была никогда его...

— Отдохнула хоть?

— Домой заезжала, — она сама заговорила о неприятном, чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос. — Поговорили с мужем. Он... простил. Понял и простил. Всё хорошо. Всё хорошо? — попросила подтверждения, дёрнув за рукав.

— Хорошо. Но можно попросить тебя...

— О чём? Ну, — поторопила Ира, когда Егор умолк, не решаясь подступиться к главному. Если швед посылает беременную жену в качестве курьера — это не есть “всё хорошо”. Но как сказать об этом? Где грань между намёком и служебной тайной? — Ну же! — ей не терпелось перевести разговор, а в голосе Егора мелькнули спасительные нотки.

— Обещай, что до родов больше не будешь нигуда ездить.

— Да я прекрасно себя чувствую.

— Прошу тебя. Умоляю. Поклянись.

— Что-то случилось? — вновь насторожилась Ира. Слишком настойчива мольба...

— Нет-нет, я... Ты мне очень дорога. Поэтому умоляю. Дай слово. Прошу.

— Хорошо, даю.

Скосил глаза на пакет в её руках:

— А у тебя ещё какие-то дела есть в Москве?

— Особо нет. Передать вот эти бумаги Карла его партнёрам — и свобода. Кофе попьём?

— А... когда встречаетесь? — не упустил главного Егор.

— С партнёрами? Так вот и идём к памятнику Пушкину.

Но Егор застыл. То, что о месте передачи бумаг известно на Маросейке, сомнений не вызывало. Эх, Юрка-Юрка, тащил в налоговую на интересную службу и хорошие деньги, а получилось, что на эшафот...

— Слушай, а можно... мне переговорить с ними? Командир мой увольняется со службы, ищет себе работу, а вдруг у них какое место для него подвернётся?

Ира посмотрела недоверчиво, но Егор скосил глаза на кругляш уличных часов.

— Я скажу, что ты задерживаешься. А я бежал в эту сторону, посодействовал, — нашёл совсем уж детскую причину для “неожиданной” встречи Егор и сам усмехнулся её несерьёзности. И чему учили в “наружке”? — А ты меня подождёшь вон в том кафе, займёшь столик.

Сделав вид, что поверила, Ира протянула пакет.

Ах, Пушкин, Пушкин, несчастный Александр Сергеевич!.. Сколько встреч и разлук свершилось у твоего пьедестала, сколько цветов несли сюда, но не тебе, а маленьким, не дотягивавшимся даже до твоего постамента, женщинам. Впрочем, ты сам любил их и посвящал им лучшие строки, вознося до неземных высот.

Егор выглядывал двух мужчин, поэтому вместо букета держал в руках пакет с бумагами. Документы представляли оперативный интерес, были архиважны для полиции, и группа захвата их не упустит. Зато Ира останется юридически чиста: контакта с партнёрами не произойдёт, в её руках ничего нет. Зато никто не простит измены ему, и генерал первым вытащит из сейфа рапорт. Или напишет собственный. Где его опера? Под какую баночку сока или фару в автомобиле закамуфлированы их видеокамеры?

Оглядел подступы к памятнику. Ни врозь, ни в парах крепких ребят из физзащиты не выявил. “Прочистил” лавочки: в большинстве своём девушки

ждут, волнуются, теребят сумочки, поглядывают на часы, подслеповато разглядывают себя в зеркальцах. Впрочем, всё то же самое продельвала бы и “наружка”. А вон и двое в клетчатых кепках, с дипломатами. Явно выискивают нужный объект. Но Иры нет. И не будет. Ей рожать, а не сидеть в СИЗО за шпионские игры мужа.

Вроде никто из окружающих не дёрнулся при появлении джентльменов, если не считать, что одна из дамочек спрятала зеркальце. Наверняка наблюдала через него приближение шведов. Да или нет? Забросила ногу на ногу. Сигнал? Всё же мудры оказались организаторы налоговой полиции, поселив “наружку” изолированно от всех: никто её не видит в коридорах Маросейки, 12 и не знает в лицо. Так “да” или “нет”? Да или нет — уже без кавычек, потому что времени не остаётся даже на них...

— Извините, вы ждёте Иру от господина Оберга? — стремительно подошёл к мужской парочке Егор.

Едва те недоуменно кивнули, протянул им пакет. Но ещё раньше — на мгновение, ровно на время, пока задавался вопрос, с лавочек вспорхнули девицы — и та, с зеркальцем, тоже! Женская группа — ждали Иру. Ближняя, отбросив зонтик, в прыжке перехватила руку шведа с полученным пакетом. За спиной незнакомец выросли-таки крепкие парни, до этого устанавливавшие рекламный щит. А когда Егор легко вывернул руку из девичьего захвата, его тут же подбили сзади по ногам, завалили на землю. Воткнули лицом в мокрый, исполосованный шрамами от скребков и лопат, изъеденный оспами выбоин асфальт. А он и не стал сопротивляться. Лишь бы Ира не прибежала на помощь!

— Кино снимают, — послышалось чьё-то недоверчивое предположение. — Вон камера.

Однако его развеял знакомый голос Вани-холостяка:

— Зря ты это сделал. Не надо было смешить ничьи подковы.

Глава 2

На Суземку падал непонятно откуда взявшийся в апреле снег. Старец-морозец из последних силёнок исхитрился ночью прихватить землю, и белое покрывало ложилось ровно, незримо нарастая невесомым пухом.

Вера смотрела на него из окна больницы. Оксана после капельницы уснула, и хватка, которой она впилась в её руку, ослабла. Можно было потихоньку собираться домой, но лучше посидеть в тепле, чем танцевать в лёгких полусапожках на остановке.

— Начинается “тихий” час, надо освободить палату, — подошла медсестра.

Возраста она была одинакового с Верой, но медицинский халат позволял распоряжаться, и Вера безропотно высвободила руку из ладошки сестры. Вышла в полутёмный коридор.

— Центральную дверь уже закрыли, выйдешь через “Скорую помощь”. “Скорая помощь” должна принимать, помогать, а тут — выпроваживает...

На лестничной площадке от них испуганно отшатнулся врач: похоже, он уверовал в “тихий” час и тайно покуривал в неполюженном месте. Возможно, сам же и гонял персонал за подобные прегрешения, потому что покраснел, начал торопливо кивать обоим свидетелям, выискивая оправдание:

— Мне... э-э, поговорить с вами, — увидел спасение в Вере.

Медсестричка безоглядно исчезла в коридоре, окурок ловкостью фокусника растворился в одной из щелей подоконника. Вера напряглась перед известием.

— Вы, наверное, замечали, что ваша сестра... э-э, стала утомляться, ей не доставало дыхания, появилось головокружение, — теребит нос, начал изда-лека врач. Только Вере и этого оказалось достаточно, чтобы замереть. Это что, ей припущут плохой досмотр за ребёнком? Она виновата в болезни Оксаны? Но никакой одышки, никаких головокружений не проявлялось...

— У вашей сестры... э-э, компенсированные, скрытые симптомы...

— Что? — выдавила из себя Вера.

— ...порока сердца. Подобное проявляется... э-э, в период полового созревания. Хорошо, что вовремя спохватились и привезли.

— Что делать? — вытаскивала клещами информацию Вера. Ведь это же не страшно? Было бы серьёзно, уже везли бы в больницу в Брянск.

— Между двумя плоскостями сердца есть клапан, — продолжал разжёвывать врач, и это уже становилось страшно. При пустяшной болячке так анатомию по полочкам не раскладывают. — Левое даёт... э-э, БКК — большой круг кровообращения, правое — гонит кровь в лёгкие... У сестры же клапан перестал выполнять свою функцию и погнал венозную кровь... Конечно, нужна по возможности... э-э срочная операция по замене клапана.

— Я согласна, — встрепенулась Вера, хотя никакого согласия под ружьём бы не подписала. Важно было отрезать пути отступления врачу, чтобы не оставил без присмотра сестру. А потом уже разбираться дальше.

Врач с лёгкой усмешкой вновь постучал пальцем себе по носу, хотя мог бы, наверное, и около виска: откуда ты, девочка? В какое время живёшь? Социализм кончился...

— Сейчас это... э-э, дело платное.

— Дорого?

Врач оглядел Веру, вздохнул. Так вздыхают риэлторы, оценивая покупательскую способность своих клиентов: ваших сбережений хватит на один метр в кухне. В доме на самой окраине города.

— А... очередь? Очередь же какая-нибудь есть? — не хотела верить в безнадёжность Вера. Тронула за халат доктора — не молчите!

— В очереди можно стоять до светлого будущего.

От его "светлого будущего" пахнуло таким холодом, что Веру передёрнуло. Врач развёл руками — извините, я обязан говорить правду. Но попробовал дать маленькую надежду, прекрасно осознавая, что её нет:

— Вы зайдите ко мне... э-э, завтра утром, я ещё раз просмотрю кардиограмму, анализы...

Вера закивала: да-да! Конечно, завтра. Потому что сейчас он говорит, не выверив до конца диагноз. Просто спасает таким образом своё реноме борца с курением. А завтра всё окажется по-другому. Или надо сменить врача, потому что они ошибаются даже чаще учителей...

— Но деньги всё равно надо... э-э, искать. И срочно. И много. Извините.

Едва Вера вышла из больничных ворот, из припорошенных машин-скворечников голодными птенцами высунули головы таксисты-частники. Не усмотрев в поникшей фигурке денежной стати, нырнули обратно в тепло. Интересно, сколько они зарабатывают в день? Сколько надо им наездить, чтобы набрать нужную Оксане сумму? Её тоже скажут завтра?

Около остановки сидела вечная, как женские страдания, рябоватая бабуля, на этот раз торгующая парой старых галош. Может быть, даже снятыми с собственных валенок, покорно застывших в наметённых сугробиках. А сколько галош надо продать, чтобы набрать на операцию? Если б хватило, она согласна сидеть рядом и торговать...

На Веру торговка повела одними глазами, но узнала:

— Нынче до Журиничей не добежишь, застынешь. Так что жди автобуса.

Ей хотелось поговорить, она даже чуть стряхнула с плеч снежные, явно доросшие до генеральских погоны. У Веры настроения к разговору не было, оглянувшись на железнодорожный вокзал. У его входа вывешивали пограничные флаги и указатели, и это вдруг потрясло Веру, зримо дало понять: Советского Союза и в самом деле больше нет, если зелёные фуражки теперь не в Бресте, а здесь, в центре страны. Поэтому и Оксашка оказалась беспомощной перед болезнью?

— Грустная ты, детка, — не отставала торговка. — Может, подсоблю каким советом? Я тут всех знаю. Что у тебя в Журиничах?

— Пионерские организации закрыли, — начала Вера с самого дальнего. — Должность в школе сократили.

— Это да. Это лопату с топором ещё никто друг у друга не вырвал, а вот кресла свои начальники будут защищать, как Брестскую крепость, — старуха

смахнула варежкой снег с галош. Может, всё же спросить, сколько выручит за день? — Я вон сижу на двух гнутых копейках весь день, а в селе хоть и трудно, но продержаться можно. Ты только руки не опускай.

— Я-то что, я могу. Тут об Оксанке речь”, — вздохнула Вера. Но поскольку продавщица оказалась первым человеком, поинтересовавшимся её положением, не сдержалась, поведала и другую причину грусти:

— У меня сестра с братом на опеку. Не будет работы — отберут снова в детдом. Такие законы.

Про самое страшное — болезнь сестры и деньги, не заикнулась. Это развеемся завтра. Ещё посмеются с Оксаной над ошибкой врача.

— Тогда “ой”, — признала тяжёлыми даже услышанные проблемы галошница. — Ходить теперь тебе, милая, по начальству. Пусть помогают. Замуж за богатого бы посоветовала, да нетути их нынче свободных. А нормальных... На кладбище надьсь навевывалась, у мужа прибраться к годовщине, так будто на дискотеку попала — одни молодые вокруг лежат.

Вера кивнула, сразу со всем соглашаясь и благодаря за участие. Пошла к вокзалу — пересидеть время в тепле.

— Вера Сергеевна. Вера Сергеевна!

К ней разлаписто, напоминая деда, бежал Васька, подыхавший, скорее всего, на разворачивавшейся около хлебного магазина машине. Слава Богу. Не одна!

— Здравствуйте, Вера Сергеевна. А я с крёстным. Он по делам, а я собрался в больницу зайти. Как там?

— Там сейчас “тихий” час, не пустят.

Васька хоть и вытянулся выше неё, но Вера притянула его к себе, как маленького. А на самом деле, — сама припадая хоть к одной родной душе, так вовремя оказавшейся рядом.

Васька почувствовал эту беззащитность, неловко и стыдливо погладил учительницу по спине. При этом сам попытался сжаться, сделаться незаметнее — не хватало ещё, чтобы кто-то увидел его телячьи нежности.

Рядом остановилась машина крёстного, Никита кивнул из открытого окна — залезайте в тепло. Неужели и впрямь хоть здесь повезло, и они доедут до Журиничей засветло? И на билете сэкономит...

— Я сбегую хлеба купить, — оставил её одну Васька.

— Что с сестрой? — поинтересовался Никита, едва Вера устроилась на заднем сиденье — кожаном, чистом, благородном даже на вид. Близким знакомством похвастаться они не могли, но когда человек спрашивает о твоей боли, откроешься. Вон, бабуле почти всё рассказала...

— Порок сердца, — впервые произнесла Вера страшный диагноз. И надо быть готовым к тому, что утром он не изменится.

— Плохо, если так, — пробормотал Никита, с тоской оглянувшись на исчезающего в магазине Ваську. Вере показалось: пожалел, что ввязался со своим сердобольством в чужие неприятности. Только она никому не собирается навешивать на шею свои гири. А до дома может доехать на автобусе, всё равно эти билетные копейки не спасут.

Тягостное молчание нарушил Васька, прибежав с двумя батонами в руках. Увидев слёзы в глазах учительницы, испуганно замер. И тогда крёстный поднял руки, призывая к вниманию:

— Есть предложение. Мы с Василием покрутимся по своим делам, а тебя на время доставлю к своему товарищу. Его дома нет, не бойся, — успокоил Веру, хотя та сидела отрешённо, не способная ни в чём сопротивляться. — А завершим всё — и в Журиничи. Пойдёт?

Не дожидаясь согласия, тронул машину и через пару минут затормозил около огромного кирпичного особняка на окраине Суземки. Похоже, Никита слыл здесь своим, потому что охранник, вышедший на гул мотора, приветственно поднял руку.

— Вера Сергеевна побудет здесь, а часа через полтора я вернусь, — отдал ему Никита распоряжение.

Вера никогда не бывала в подобных хоромаш. Огромный холл с телевизором на стене, просторнейшая кухня с раздвижными дверьми, винтовая

лестница на второй этаж. Это сколько денег надо иметь, чтобы выстроить подобное? На операцию точно бы хватило и половины...

— Ждешь нас здесь, — отдал приказ Никита. А когда она, не соглашаясь, подалась назад, придержал: — Чай на кухне. Вскипяти и для нас, — попросил, видя, что вожатая не тронет здесь и маковой росинки. — Мне надо встретиться с одним человечком тет-а-тет, но не оставлять же тебя на улице мёрзнуть!

Мёрзнуть не хотелось, и, пока Вера оглядывалась и примерялась к дому, сам выскользнул за дверь.

— Освоится, — успокоил Василия, мнущегося у крыльца. — А ты чего толстеешь? Тельяшка уже на пупок не налазит.

— Да я уже... турник поправил, начал заниматься.

— Давай, держи себя. А теперь на переговоры.

Крестник хотел сказать о больнице, но вспомнил про “тихий” час. Нащупал в кармане шоколадку. Нет бы вместо “Алёнки” назвать её “Оксанка”...

Крёстный остановился недалеко от милиции, к ним тут же подскочил на своём мустанге Борис. Никита прошёл к нему, заглянул внутрь машины, с кем-то поздоровался. Кивнул Василию — подойди.

Лучше бы не подходил. В джипе Бориса сидел, отрешённо разглядывая нож с козлиным копытцем, их участковый. Васька покрылся испариной: нож он потерял во время пожара в лесу...

— Не знаешь, случаем, чей это? — показал ему находку Околелов.

Крёстный и фермер переглянулись перед ответом, и Никита, не давая крестнику соврать, потянулся за ножом. Взвесил на руке его приятную лёгкую тяжесть.

— Такую вещь грех держать взаперти. Сколько стоит выкупить?

— Это вещдок, — улыбнулся Околелов, не сводя взгляда с Василия. А тот облизывал пересохшие губы: так вот зачем крёстный и Борис звали его в Суземку. В милицию! Но ведь это они же и заставляли его поджигать деревья...

— Иди в машину, — приказал крёстный.

Участковый не возразил, и Василий на ватных ногах вернулся на своё место. А может, Никита с Борисом как раз и выручают его? Иначе разговор вёлся бы в кабинете. Только бы не в тюрьму. А он больше ни словом, ни ногой, ни ноготком с фермером. Ни за что и никогда. Только бы пронесло сейчас!

Пальцы продавили корку в буханке хлеба, он отломил кусок, стал машинально жевать. А если ещё и дед узнает...

Хлопнула дверца в машине Бориса. Лучше не поворачивать головы, не поднимать глаз. Какой же он дурак! А они ещё подхваливали. Только кого много хвалят, тех сороки уносят.

— Держи, — крёстный протягивал ему нож. Как и положено, рукояткой вперёд. — Держи, держи, вопрос закрыт.

Давая крестнику время отдышаться, вернулся к Борису. Попрощался с вцепившимся в полевую сумку, словно в кошелёк, Околеловым. Проводив его усмешкой, повернулся к Борису:

— С ним всё ясно. Но я не понимаю другого: у тебя в доме одиноко сидит принцесса, а он с нами и каким-то Околеловым...

— Какая принцесса? В чьём доме? — не понял Борис.

— А у тебя что, ещё одни хоромы есть? Только учти, мы скоро будем там же. Что успеешь, то — твоё.

Вера так и не сделала ни одного шага вглубь комнат. Как присела на лавочку около раздевалки, там её Борис и застал. Возможно, он уже догадывался о госте, тем не менее постарался сделать удивлённое лицо:

— Ты?

— Я... меня... — подхватила Вера. — Я ничего...

Уж она-то никак не предполагала, что хозяин дворца — Борис. Хотя, почему бы и нет, если есть возможность разъезжать на такой машине.

— Так и хорошо, что здесь. Раздевайся. — Борис протянул руки принять пальтишко, и Вера впервые в жизни приняла подобное, как в кино, ухаживание. Никита с Васькой ведь сейчас приедут? — Тапочки любые, все

новые. Пошли, пошли, — подтолкнул девушку. — Здесь ещё убираться и убираться, а... некому. Чай, кофе?

У Веры глотка простой воды во рту не было с утра, и она закивала, соглашаясь на что угодно. Присела у круглого обеденного стола, хотя следовало, конечно, помочь хозяину. Но она здесь никто, а в чужом доме столом не распоряжаются.

Борис принёс пакеты с конфетами, печеньем, глубокую тарелку под них, прихваченные за ручки-хвостики чашки. Вера улыбнулась мужской неприятельности, перехватила угощения, принялась сервировать стол. Только бы не повторилось то, что при первой встрече, в машине. Но столько времени уже прошло. И где-то рядом Никита с Васькой.

Поймала взгляд замершего рядом хозяина:

— Вы... что?

— Что-что. Красивая. И хочу что-то сказать.

Вера пожала плечами. За комплимент, конечно, спасибо, но общих новостей у них с Борисом нет. А что было в машине и в лесу — то хотя и не забыто, но и не на первом плане. У мужчин руки раньше ума выросли.

— Оставайся у меня. Навсегда.

Подошёл, обнял сзади за плечи. Бережно. Вера, тем не менее, выскользнула на волю. И что значит “навсегда”?

— Никита сказал про сестру. Если ты будешь здесь, у меня, мы ей поможем быстрее. Давай вместе...

Закончить предложение не дали — с улицы протяжно засигналили.

— Давай вместе...

Сигнал раздался вновь, словно пытаюсь отрезвить обоих. Борис нервно подошёл к окну, отдернул штору, резко махнул рукой — уезжайте. Вера поняла жест, но препятствовать, сопротивляться не стала. Борис сказал о главном — о помощи Оксашке. Он хочет, чтобы она работала у него здесь уборщицей? Убирала дом? Она согласна. А до дома и впрямь доедет на автобусе...

— Погоди, здесь не хватает кое-чего, — Борис метнулся на кухню, вернулся с бутылкой вина и двумя рюмками. Дунул в них, убирая пыль, и Вера опять улыбнулась мужскому качеству чистоты. Пить не станет, но рюмку подняла в надежде, что Борис повторит про помощь. Сколько станет платить за уборку? Даже если как в школе, и то хорошо. А она ещё и по начальству пойдёт, права снежная бабуля на остановке. У порога ляжет, а пусть Оксане помогают. Советской власти нет, но совесть-то должна остаться.

— За тебя.

Вера кивнула, но рюмку отставила.

— А лучше давай за твою сестру. За то, чтобы выздоровела. И не будем оставлять на дне обид.

Первым опрокинул рюмку, показал пустое дно Вере. Та, вздохнув, зажмурилась и тоже опрокинула в себя оказавшееся сладким вино. Скосила глаза на тарелку с вкуностями, стащила с края печенюшку. Борис подал чашку с чаем, но лучше был бы кофе, который так приятно пахнет из банки.

— А... а когда выходить? — ей не хотелось оставлять разговор об Оксане неоконченным. — В школе ещё неделю отрабатывать надо.

— Куда выходить? — не понял Борис.

— Ну, убираться.

— Что убирать? — продолжал недоумевать хозяин дома, и Вера испуганно взглянула на него: неужели пошутил насчёт помощи? — Что убирать? Я не понимаю.

— Ну, в доме. Вы сказали — убираться некому...

Борис захохотал, откинувшись на спинку стула. Снова налил по рюмке.

— Если надо, я найму на уборку кого угодно.

— Но я готова. Если будет работа...

— Давай за здоровье сестры, она важнее сейчас, — поднял вино Борис, так и не ответив. Но ведь не забывает про Оксанку! А вино и впрямь, как виноград...

— А может, лучше всё же кофе? — продолжал угадывать её желания Борис.

Ушёл на кухню, вернулся оттуда уже без пиджака и галстука, но с чистой чашкой. Приподняв чайник, длинной струёй взбил кофе в пенку. Запах притянул к себе, и Вера даже наклонилась к столу, чтобы окунуться в его густой настой.

— А это — бальзам, кофе пьют с бальзамом, — плеснул в чашку из маленькой плоской бутылочки тягучую, сиропную, сладкую даже на вид, жидкость.

Она перебила запах кофе, добавила ненужную горчинку, но Вера сделала вид, что коктейль понравился. Улыбнулась Борису, боясь показаться неблагодарной. Если он по-человечески с ней, то она сто раз в ответ с уважением. Лишь бы и впрямь помог Оксане. И не пролить бы из чашки, пенка в ней с горкой, от души.

— Я не про уборку тебе говорил, — подвинулся к ней со стулом Борис. — Я говорил, что в этот дом нужна хозяйка.

— Конечно, нужна. Дом держать надо.

— Я и хочу, чтобы ты была в нём хозяйкой.

Кофе всё же выплеснулся от резкого движения, Вера схватила салфетку, принялась промокать жёлтое пятно. Это Борис серьёзно говорит? Но хозяйка — это жена. А её в жёны не звали. И она не сказала бы, что видит в спутниках жизни сидящего уже почти рядом Бориса.

— Ты бы сначала пожила здесь, присмотрелась...

В голове плыло, мысли не могли собраться воедино, выстроиться в логическую цепочку. Прикрыла глаза, спряталась за веками. Они показались тяжёлыми, их не хотелось открывать, но надо что-то говорить, как-то отказываться...

На голову легла рука Бориса — ладонь широкая, тяжёлая. И не надо гладить её по волосам. Она ещё ничего не ответила, она пока не понимает, что за чем цепляется в предложении фермера.

— Иди ко мне, — прижал её к себе Борис. И не вывернуться ведь. Но она не хочет так... — Всё у нас будет хорошо. И с Оксаной тоже...

Зачем он всё время вспоминает её? Так нельзя, так он заставляет быть обязанной. Но какие же сильные руки!

— Когда скажут окончательный ответ по ней?

— Завтра утром.

— Так и оставайся здесь на ночь. Места — море. Что мотать впустую километры? Пойдём, покажу, где будешь спать.

Спать и впрямь хотелось. В последние двое суток вместились и разговор с директором по сокращению должности, и последующая бессонная ночь, предупредивший вызов "скорой" для Оксаны. А тут ещё выпила на голодный желудок, ноги совсем не держат. Но с Борисом нельзя расслабляться. Это не Егор.

Всплывшее в памяти имя вызвало улыбку. Села на широкую кровать, но под напором ладони Бориса легко повалилась на подушку. Хорошо, что Женьку отправила ночевать к Фёдору Максимовичу, можно не переживать. А утром и впрямь было бы здорово отсюда в больницу. И не надо рано вставать и ждать автобус...

— Сними свитер, жарко.

Вера замотала головой, сцепила руки на груди. И спать она здесь не останется. Немного полежит и уйдёт. Зачем выпила?

Борис легко развёл её руки. Словно маленькую, приподнял, привычно сдёрнул вверх свитер. Вера принялась одёргивать блузку, с ужасом припоминая, что тогда, в машине, она была в ней же: ещё подумает, что нечего больше надеть.

— Не бойся, я просто рядом полежу, — вдруг оказался рядом на подушке Борис, придавливая рукой её сопротивление. Пальцы его сделались жёсткими, причинили боль, и она вскрикнула.

— Ничего, ничего, — шептал в ухо Борис. — Я только поласкаю, только поласкаю.

— Не-ет, — пыталась увернуться из-под тяжести Вера, хотя силы тонули в мягком матрасе.

Какая же она дура! Разве можно верить мужчине, не добившемуся однажды своей цели? Он навек останется в засаде и то ли хитростью, то ли жалостью, то ли посулами, но будет приближать свой желанный час.

— Всё будет хорошо, хорошо, — продолжал шептать Борис, ломая её последние силы. — А потом подумаем, как сестре помочь. Хочешь ей помочь? Не бойся, в жёны возьму, хозяйкой будешь в этих хоромах.

— Не надо, — умоляла Вера. — Я не хочу.

— Только поласкаю, только поласкаю. Не трону, не бойся. Какая же ты красивая! Пусти.

Руки Бориса проникли уже всюду. При этом он легко бросал пуговички на блузке, когда Вера прогоняла его от груди, потому что руке тут же находилось место на её коленях. И так колесом, на опережение — если не колени, то грудь, если не она, то бёдра, — сколько же запретных, оказывается, на женском теле мест! Потому оно манит мужчин? Но мужчина должен быть в радость, ожидаем и любим...

Не успевая реагировать, понимая, что сдаётся, Вера завывала. Борис какое-то время не обращал на это внимание, ещё вгрызался в её тело, ставшее совершенно безжизненным. Именно в этот момент с Верой можно было делать всё, что заблагорассудится. Но когда вой перерос в рыдания, остановился. Посмотрел отстранённо на уже раздетую женщину. Вера не шевелилась, слёзы обречённо текли в подушку, подбородок с нижней губой некрасиво дрожали, и он продолжил путь ниже, сминая колготки, трусики. И лишь достигнув рукой всего, чего хотел, резко встал с кровати.

— Одевайся.

Вера открыла глаза. Скрестив на груди руки, Борис рассматривал её обнажённое тело. Во взгляде читалось не то что презрение, но превосходство человека, сумевшего не позариться на второй сорт. Стыд заставил Веру укутаться в одеяло, отыскивая на ощупь в его складках одежду.

— Я хотел тебе помочь, — с усмешкой произнёс Борис, продолжая наслаждаться своим всесилием, — хотел — и мог овладеть. Не захотел — легко отказываюсь.

И теперь ты, девочка, майся, что строила из себя недотрогу. А он освобождает себя от всех обещаний. По сестре в первую очередь.

Вера понимала, что её выгоняют из дома. И что помощи Оксане не будет. Наверное, ещё можно было что-то исправить, но она, торопливо набросив на себя одежду, прошмыгнула мимо стоявшего глыбой Бориса. От стола уловился запах кофе, глаза ухватили гору сладостей и полупустую бутылку вина. Быстрее, быстрее из этого дома. Ни женой, ни хозяйкой, ни уборщицей, ни любовницей она здесь не будет. Прости, Оксашка.

— Когда станет немого, сама приползёшь.

Не застегнувшись, хлопнула дверью. Сумрак уже накрывал землю, пахнуло холодом от начинающего таять снега. Автобус ушёл, и теперь требовалось где-то переждать ночь. А утром в больницу. Оксана вцепится в руку, а врач опять скажет про деньги...

Прикрыла грудь — не от холода, а поймав взгляд охранника, копошившегося в гараже. За спиной же, за дверью было тепло, там ей обещали деньги. Борис казался единственной соломинкой, которая могла спасти Оксану. Но за что ей так — провести первую ночь с нелюбимым мужчиной и за деньги? Почему всё сразу обрушилось на неё? Чем провинилась перед небесами? Мало перенесла страданий после смерти родителей? Надо добить её до конца?

Хмель выветрился, но ноги всё равно не держали. Опустилась на ступеньки, обхватила голову руками. От бетона шёл холод, но её начала бить внутренняя, нервная дрожь. Она словно первой почувствовала подспудное решение Веры вернуться. Потому что из тупика выхода нет. И она никого не предаст, если вернётся в дом. Никому не сделает больно. Только себе. Но и сестре никто, кроме неё, не поможет. Значит, такова её доля. Её крест лежит сейчас здесь, на этих холодных ступеньках. И ничего не остаётся, кроме как поднять его и встать. Правда, кто-то оставил на ступеньках ещё и шоколадку “Алёнка”. Васька? Но сладкая жизнь — для других. Поэтому, если Борис сейчас выйдет из дома, она вернётся.

Но Борис не выходил, и тогда она сама, отвернувшись от высунувшегося из гаража, как собака из будки, охранника, встала перед дверью. Расстегнула блузку. На улице ещё не совсем темно, в дверной глазок можно будет всё рассмотреть.

Постучала.

Она согласна. Но никогда не простит.

Глава 3

Оля плакала. Не стыдясь, не сдерживаясь. Возможно, слишком долго несла боль в себе, прятала её, замалчивала, втайне надеясь на иной исход.

Но он был ясен. Изгнанный из полиции Егор Буерашин стоял перед ней с двумя парашютными сумками, в которые вместились весь его скарб. И сейчас, на перроне Киевского вокзала, они расставались окончательно. Оля могла уже и не приходиться к поезду, но женщина, полюбив, не верит в разлуку до последнего.

— Прошу, не плачь, — неумело утешал Егор, при этом зачем-то кланяясь.

Ему следовало хотя бы приобнять девушку, потому что она оказалась единственной, кто остался рядом в самые тягостные минуты жизни. Но прекрасно понимал: приникни он к Оле, обоим потом будет не оторваться. Для любви ведь не время нужно, а чувства, которые раздуют пожар. Влечение к Оле как к женщине было, он же не евнух, но стать единым целым не получилось. Чего-то не хватило. Вечными холостяками становятся, когда хватает сил не ответить на безоглядную женскую любовь.

— Не плачу. Само плачется.

— С меня толку как... как с козла молока, — попробовал спрятать за грубостью собственную растерянность Егор.

— А я... полюбила этого козла. И уверена, нам бы обоим было лучше, если бы...

Не договорила. Из века в век женщина завоевывала себе великое право — делать выбор среди мужчин. Но, получив его, тут же утерjala возможность самой предлагать руку и сердце: общественное мнение вынесло это за скобки совестливости и порядочности. А сколько ожидать, когда у любимого мужчины хватит решительности произнести желанные слова?

У Егора они теплились на губах, и он сильно не погрешил бы против истины, произнеси их. Только и цена тому признанию будет не любовь, а жалость. И чтобы не произошло непоправимого, он торопил электронные цифры на перронных часах, маневренный тепловозик, подтаскивавший состав, проводников, слишком долго протиравших поручни вагонов перед началом поездки.

— Всё у тебя будет хорошо, — искренне, но ни за одну букву из сказанного не отвечая, произнёс Егор. — Езжай домой, уже поздно.

— Мы об этом потом очень пожалеем, — решила выговориться до конца Оля. А когда Егор ничего не ответил и на этот прямой упрёк, в отчаянии возложила на него всю ответственность за происходящее: — И, в первую очередь, пожалеешь ты. Хотя и я буду страдать. Прощай, Егор Буерашин. От тебя уходит женщина, с которой ты был бы счастлив. Потому что она тебя безумно любила.

Оставила ровно секунду, чтобы Егор мог образумиться. Однако тот развёл руками: что поделать...

Развернувшись, Оля пошла прочь от вагона. Пелена застилала ей глаза, она спотыкалась о тележки, задевала пассажиров, но торопилась уйти, раствориться среди людей: одиночество больше в толпе. Для неё заканчивалась, так по-настоящему и не начавшись, любовь к Егору. Так, промелькнула красивая звезда, да только что с неё толку, ежели она недосягаема и холодна к тебе. Любовь — это обоюдное притяжение. Но Егор всё равно виноват!

— Ничего, всё образуется, — успокоили и его.

Егор вяло повернулся на знакомый голос Юрки Черёмухина. Вчера, зайдя попрощаться, Егор ни словом не обмолвился о причинах увольнения. Юрку вытащила за уши служба собственной безопасности: рекомендовал

товарища — отвечай! Как же невпопад всё сложилось! Или наоборот, как удачно. Для Иры. Окажись на его месте другой опер, сидела бы сейчас в СИЗО и давала показания...

— Обустраивайся в своих брянских лесах и сразу дай о себе знать. — Юрка оказался осведомлён и о конечном пункте поездки. Истинный архивариус. И очки стали сидеть уверенно, вцепившись в переносицу. — Выгонят меня, приеду к тебе агрономом. Поднимем колхоз и станем героями социалистического труда.

— Прости.

— Я знаю главное: ты не подведёшь. Не теряйся. И думай иногда о нас.

Сто лет он не ездил в плацкарте, однако будущая жизнь денег не сулила, и сэкономил на билете. Теперь пожалел. Пространство вагона вместе с людьми и сумками плотно утрамбовывалось запахами еды, пота и проникающего из тамбура сигаретного дыма. Канючили дети. В его отсеке дородная хохлушка собирала со столика в кулёк из газеты яичную скорлупу и куриные косточки. Отхлебнув чая, сытно вздохнула, мгновение раздумывала, но не устояла, вытащила тарань и впилась, как в десерт, в её хребет зубами. Молоденькая девчушка напротив пыталась читать, но тусклый свет, треск раздираемой тарани и храп соседа сверху заставлял её поминутно отвлекаться и поглядывать с испугом на Егора: а чего ждать от вас?

В полутёмном зале ожидания батареи уже отключили, и пассажиры, которых ночь застала в вокзале, пытались дремать, уткнувшись носами в одежды. Всё правильно: птица не болеет потому, что засовывает во время сна клюв под крыло и дышит воздухом одной температуры с телом. Зверьё тоже по возможности утыкает нос в живот или прикрывает лапой. Людям в этом плане сложнее. Калачиком свернуться, конечно, можно, да только с некоторых пор и лавки на вокзалах стали огораживать, дробить на сиденья, чтобы не разлёживались.

Егор прошёл в дальний, тёмный угол. Устроившись, погрузился в не завершённые ни в Москве, ни в поезде думы. Одно дело — приехать в село почти героем и на день-два, а другое — жить там и зарабатывать на эту самую жизнь. Кем? И что он понимает в деревенском быте и сельском хозяйстве? Искать работу в Суземке? Где-то здесь Васькин крёстный чем-то промышляет, тот же военком подскажет что-либо на первых порах. Или Журиничи — это просто отлежаться на дне, собраться с духом и вернуться в Москву? Эх, не успел получить квартиру, очередь подходила со дня на день...

Женщина в углу смотрела на него из-под капюшона, и Егор слегка улыбнулся и ей: а вам курить вредно. Жаль, не работают камеры хранения, глядя в зал пустыми железными глазницами. Не успевают, что ли, жетоны для них печатать? А когда-то казались верхом прогресса: поставил вещи, код набрал, пятнадцать копеек опустил — и гуляй сутки с пустыми руками. Сколько сейчас стоят эти пятнадцать копеек?

Женщина выпростала из-под себя ноги, отбросила капюшон. Как ни было в зале сумрачно, Егор встрепенулся: Вера? Ноги запутались в ремнях сумки, женщина улыбнулась его беспомощности, встала навстречу сама. Она! Вера! Учительница-постоялица! Но почему здесь?

Стараясь не привлекать окружающих, она прошла к Егору. Тот, одной рукой освободя ноги, второй взял за рукав: вы не исчезай, я сейчас, присядь.

— А я смотрю: вы, не вы? Здравствуйте.

— Здравствуй. Вот не ожидал! Ты что, всю ночь здесь?

— Всю. Опоздала на автобус.

— И никто не украл такую красивую?

Шутливый вопрос почему-то вызвал у Веры горькую усмешку, она отвернулась, и Егор, наконец-то освободившийся от пут, усадил девушку рядом. Она, хотя и беззвучно, уже плакала. Сколько же могут плакать женщины? На вокзале, провожая, плакала Оля. Сошёл в мало кому знакомой Суземке — здравствуйте, слёзы у Веры. Слава Богу, хоть здесь ручьи текут не из-за него.

— Что-то у Оксанки с Женькой?

Кажется, спросил и вовсе некстати: у Веры задёрнулись плечи, и она уже сама, загнувшая плечи, воткнулась в него лицом.

— Сейчас всё расскажешь. Сначала успокойся — и расскажешь, что тут у вас без меня произошло. Договорились? — прижал девушку к себе Егор. Надел ей набекрень свой берет. — А потом будем думать. Мои в порядке?

Вера кивнула:

— Васька только через пень-колоду ходит в школу.

— Понятно. Как работается? Пионеры слушаются?

Похоже, опять затронул больное, потому что снова пришлось приглушать плач, прижимая учительницу к себе. Когда-то они сидели так под дождём в палатке. А потом он вернулся в лагерь и... и ушёл! А теперь она плачет.

— Конфеты будешь?

Да что ж это такое — даже этот безобидный вопрос заставил Веру напрячься. Что ей вспоминается? Чем сладости-то горчат?

— Всё, всё. А то всех разбудить своим шмыгающим носиком. Давай сначала: тебя кто-то обидел?

Вера вымученно улыбнулась:

— Уже всё хорошо. Просто утром идти в больницу к Оксанке.

В больницу пришлось идти с вещами. Суземка просыпалась медленно, люди если и торопились, то лишь в госучреждения и магазины — единственное, что ещё работало в райцентре. Вера немного успокоилась, а то, что в больницу шла не одна, давало силы преодолеть дорогу и вселяло надежду на ошибку врача.

Однако перед его кабинетом силы оставили, и Вера опустилась на лавочку рядом с дверьми. Глянула затравленно на спутника: я боюсь.

— Постереги сумки, — попросил Егор и постучал в дверь сам.

Вере страшно было оставаться и одной, но отсроченный приговор давал возможность пожить несколько минут в мире, который существовал до болезни сестры. Да и удар по касательной менее страшен, чем прямой в сердце.

Но оно оборвалось в очередной раз, когда увидела опущенный взгляд Егора, вышедшего от врача. Тот и сам выглянул в коридор, но, увидев Веру, щёлкнул себя по носу и исчез обратно. Егор сел рядом, опустил руки. Вера впилась взглядом в выглянувший из-под рукава ветровки циферблат часов. Для времени люди придумали колесо, запустили его по кругу, закольцевав в часы и минуты недели, месяцы, годы. А ведь оно — самая прямая нить за горизонт...

— Думаю, надо сделать так, — принял на себя командование Егор. — Мы сейчас едем в Журинич, к Оксане всё равно пустят только после обеда. Отдохнёшь, оденешься потеплее. И... и будем думать. Пошли.

Подчинилась. Она вообще не представляла, что бы делала, не окажись рядом Егора.

— А вы... надолго?

— Как Родина прикажет. Может статься, что и навсегда.

— Что-то случилось?

— Разберёмся. А вон тот джип, случаем, не нас караулит? — кивнул Егор на иномарку, застывшую через дорогу от больницы около пожарки. Глаз отметил эту дорогу для здешних мест машину, едва они вышли из здания вокзала, потом она плелась вместе с ними к больнице. Такая же крутилась на "Пионерских кострах", просто была по крышу в грязи...

Вера, увидев джип, замерла на месте. Значит, ошибка исключалась — старый знакомый, местный фермер. Но как он угадал искать Веру на вокзале? Или потому она и оказалась на станции, что...

— Я не хочу его видеть, — попросила защиты Вера.

Он, собственно, тоже.

Не успел Егор повернуть голову в сторону частников, сразу из всех кабин вышорхнули голодные со вчерашнего дня галчата. Очереди на клиентов, похоже, не существовало, пассажир сам выбирал машину по своему желанию, и Егор направился хоть и к побитой, но иномарке.

— Сначала по магазинам, потом в Журинич.

Помогая сестре Вере, оглянувшись из-под руки на джип. Машина слегка дёрнулась — так снимают её с ручника. Ну что же, господин-товарищ Сергованцев, в Журиничих с нами?

Глава 4

В больничном коридоре медсестра ловила пацанёнка. Тот увиливал, ухитряясь подбегать к выходящим после уколов больным и шлёпать их по задку. Пациенты взвизгивали от неожиданной боли, мальчишка — от радости, медсестра — от бессилия.

— Снять с него штаны, сразу успокоится, — посоветовал кто-то.

Общими усилиями мальчика схватили, затолкали в палату, сдёрнули брюки. Из соседней на шум выглянула Оксана. Радостно замахала рукой Вере. Обнялись.

— Васька был, — торопливо прошептала в плечо сестре Оксана.

Похоже, её счастьем было совершенно безразлично, где произошло первое свидание — под звёздами в деревне или в больничной палате.

— Как себя чувствуешь?

— Нормально. Может, заберёшь меня? Хотела с Васькой...

— Я тебе заберу! Надо полежать, обследоваться до конца.

Сколько лежать и где обследоваться, Вера не могла представить. Щёлкавший себя по носу врач ничего нового не сообщил, но и от старого не отступился: нужна операция. То есть деньги.

Только и это сегодня оказалось не последней грустной новостью. В школе директор зачитала приказ о сокращении должности пионервожатой, а это значило, что органы опеки и впрямь получают право отобрать ребят. Потому как нет источника доходов на их содержание...

— Вот тут тебе печенье. И пакетик молока успела захватить, на мне закончилось, — вытащила из сумки подтекающий сине-красный треугольный пакетик.

— Пусть как-нибудь и Женька приедет. Соскучилась. А к “Кукушкиным слёзкам” готовитесь? Без меня не начинайте! — Болезнь дала Оксане право выдвигать условия.

Сразу на всё согласившись, Вера посмотрела на часы. Их тоже можно продать и выгадать несколько рублей, хотя и память о родителях. Дарили на окончание школы...

Торопилась не к автобусу, а чтобы остаться одной, забиться в какой-нибудь угол и завывать во весь голос. Ещё вчера было всё, а сегодня...

Сегодня около больничных ворот, возвышаясь над приплюснутыми машинами таксистов-частников, опять стоял джип Бориса. Сколько он будет преследовать её?

Фермер распахнул дверку. На землю не спустился, то ли посчитав это ниже своего достоинства, то ли побоявшись испачкать туфли. А скорее всего, просто напоминая: я ведь говорил, что ты приползёшь ко мне сама. Но она не приползёт. Ни за что!

Рядом с джипом, как сама печаль, стояла засохшая ракета. Она ещё могла куститься, но кто-то срезал кору кольцом по её стволу. Противостоять такому смертельному пояску оказались бессильны и крона, и корни, и сам ствол. А Вере вновь тоска: подпоясывает жизнь подобным образом и её, венчая с безысходностью. Но она всё равно не пойдёт к открытой дверце. Свой шаг к унижению она сделала прошлой ночью, да Господь, видать, уберёт, не отворил двери. Сегодня она не пойдёт сама. Но почему так вышло, что лишь в этом случае возможно спасение Оксанки?

Частникам она тоже показалась ненужной, и машины проводили её погасшими от усталости, придремнувшими фарами. Если бы кто знал, как устала она, как ей тоже хочется выспаться. Рада будет и лавочке на вокзале. Да надо ехать домой. Там хоть какой-то угол. И Егор. Может, что-то подскажет. Подознательно надеялась, что он поедет с ней, но... В честь чего ему тратить время и нервы на постороннего человека? И за чьи грехи она расплачивается?

Старенький жёлтый “пазик” с маршрутной табличкой у лобового стекла Борис Сергованцев перехватил около поселкового кладбища. Сигналя, прижал машиной сбавивший скорость автобус к обочине. Разглядев за мутными от старости стёклами худого крючконосого водителя, поманил его. Тот, пожимая плечами и заранее виновато улыбаясь, вытолкнул расхристанную дверь, спрыгнул на землю.

— Микола, привет. Отобедал? — немногочисленных водителей автобусов в районе каждый знал в лицо и по имени. А тем более Летуна, однажды обогнавшего на своей колымаге “Волгу” секретаря райкома партии. Вот за бату сейчас и ответит...

Водитель приблизился к иномарке, наклонился к опустившемуся стеклу, откуда ему едва ли не в лицо воткнулись купюры:

— Вот тебе твои миллионы, но ты сейчас в Журиничи не поедешь. Скажешь, что сломался.

— Даки люди ждут, — не согласился водитель, не сводя глаз с денег.

— Я их довезу на своей.

— Не, если начальство узнает...

— Слушай, тебе твоё начальство выдаёт зарплату?

— Откуль. Пятый месяц на запись работаем.

— Тогда держи наликотом и разворачивайся.

— Не, я так не могу. Написано ехать, я и еду.

— Ты что, не понял? — сменил тон Борис. — Или хочешь, чтобы у тебя оказались проткнутыми колёса? А заодно и брюхо? — вместо исчезнувших купюр из джипа показалась заострённая отвёртка.

Шутки кончались, и водитель огляделся. Улица пуста. Рядом — могильные ограды. Только ведь и маршрут в путевом листе написан по-русски: “Суземка — Журиничи”.

— Не, всё равно надо ехать, — не сдался ни посулам, ни угрозам Летун, разворачиваясь к автобусу.

“Вот чёрт крючконосый”, — подивился Борис неговорчивости Летуна. Добавил бумажек.

— Ладно, уговорил: ещё столько же.

Чтобы не соблазниться на деньги глазами, водитель не стал оборачиваться, просто заматал головой. Значит, не жадный, а тупой. Но такому надо стучать по темечку, чтобы зарубил на носу: Борис Сергованцев не любит непонятливых. Очень не любит.

С тем и вышел из машины, приблизился к “пазику”. Молча вонзил отвёртку в истёршуюся змейку протектора. Резина попыталась отпружинить, да только куда ей, стёршейся и потрескавшейся от старости, тягаться с заострённым железом? Тут гвоздь поймаешь — и конец жизни.

Кровь из колеса не брызнула, и стопа не раздалось, но едва отполированное жало выдернулось обратно, автобус на глазах стал клониться на передний скат. Летун застыл от неожиданности, и Борис едва сдержался, чтобы не сунуть деньги в его открывшийся рот. Бросив бумажки на испускающее дух колесо, предупредил:

— Следующий раз будешь слушать. А если вякнешь — спало.

Вернулся в машину. Взял Летун деньги или оставил на колесе, роли не играло. Важнее увидеть учительку в момент, когда не придёт по расписанию автобус.

А Вера словно была готова к тому, что на неё свалится очередная напасть. Выслушав по сарафанному радио новость о сломанном автобусе, попутчики потянулись в здание железнодорожного вокзала. У Веры же оставаться на вторую ночь в холодном зале ожидания сил не было, и безропотно пошла на край Суземки. Песни петь, конечно, не будет, но зато и сумок никаких в руках и за спиной. Дойдёт. С такими думами, как у неё, теперь только и бродить по дорогам. На половине пути будут Алёшки, там передохнёт и двинется дальше. Прошлый раз подвёз Борис. Вроде как повезло, да только аукается до сих пор, потому что свой путь надо проходить до конца самой.

День хотя и клонился к закату, но и весна спешила к лету, отодвигая горизонт и обещая продержаться в небе солнце минимум до Алёшек. Было бы

счастье на всю жизнь, найди она сейчас на дороге денежки. Много. Чтобы сразу на операцию. Бедные столько не потеряют, у них таких денег нет, а богачу пропажи незаметны. А Оксана бы помогли...

И вновь пришло невольное сравнение: первый раз шла по этой дороге, распевая задорные песни, теперь бредёт, мечтая о копейке под ногой. Что будет уготовано на третий раз?

За спиной начал нарастать надрывный гул мотора. Вихляя по всей дороге, тащил за собой тележку худой, кашляющий сизым дымом “Беларус”. Скорости не сбавлял, хотя Вера и взмахнула рукой.

Поняла водителя, когда тот проехал мимо. В кабине громоздились два белых мешка то ли с мукой, то ли с сахаром, а в тележке возили навоз, остатки которого ошмётками плюхались на дорогу.

И всё же “Беларус” остановился. Тракторист, вывернув шею, прокричал в открытое заднее стекло:

— Я в Алёшки. На тележке поедешь?

Поедет. Ничего страшного, что в навозе. Сорвёт травы, подстелет, зато половина пути — долгой.

С тем и тронулись. Поначалу Вера пыталась удержать под собой травяную подстилку, но очередная ухабина заставила проехаться кофтой по грязному борту, и пришлось вцепиться в него. Ничего. Не в маникюре. Отмоется. Зато едет.

Хотя тут же пожалела, что согласилась сесть: мимо них, длинным гудком требуя уступить дорогу, промчалась красная легковушка, помигав лампочкой в разбитом заднем фонаре. Может, она бы подобрала? Что за день? Ни копейки не нашла, ни нормальной машины не подвернулось. Надо смириться...

— Зато доехала, — крикнул в окно тракторист, когда остановились перед Алёшками.

Вылезти из кабины и помочь из-за мешков он не смог, дождался, когда Вера спрыгнет на землю сама. Чтобы не касаться навозными руками одежды, отряхнулась гусьней и поспешила к луже на обочине. Может, тракторист и остановился специально около неё.

Дальше шла веселее. Первым делом попросится у директора остаться в школе техничкой, полы ведь тоже кому-то мыть надо. Или даже истопником вместо Пятака, который из водки не вылезает. А потом разберётся. Пока же просто дойти до дома, нагреть воды и отмыться...

Головы от дороги не поднимала и потому испугалась, увидев стоявших на обочине около дубков двух парней. Они курили, явно ожидая её, и Вера остановилась. Рассмотрела и красную машину, загнанную в кусты. Значит, это те, которые обогнали трактор. Ждут её? Или всё же сломались? Могли и просто свалиться в кювет, вон ведь как неслись...

Стояла она, не двигались парни. Если пойдут навстречу, она побежит назад, в Алёшки. Но шли бы лучше к своей машине!

Нет, присели на корточки, начали раздавать карты. Дают понять, что она их не интересуется? Или, наоборот, играют на неё? Жутко! Бежать назад? Подождать, пока выкурят сигареты и закончится игра? Неужели посмеют тронуть? Нет же, свои ведь, из одного района. И ей домой надо.

Сделала шаг вперёд. Парочка, конечно, усмехается, видя её страхи, но попробовали бы сами оказаться вечером в поле среди незнакомцев!

Ей махнули рукой — проходи, не бойся. А она и не боится. Но поосторожничает. И никакой палки на обочине не валяется, хотя бы на всякий случай...

— Чем помочь? — крикнула издалека. Голос свой не узнала, но молчать было ещё томительнее. — Вы из Суземки?

Ей не ответили, зато затушили об асфальт окурки. Нет, надо уходить. Побегут за ней? Тогда снять туфли...

Не успела. Бросив карты, парни рванулись к ней прямо с корточек, сорвали с дороги. Покатились в кювет, хрипя каждый от своего усилия. Насильники в четыре руки срывали с неё одежду, прижимая голову к сырой, ещё ночью снежной земле.

— Какая же ты вонючая! — прохрипел с презрением один из нападавших.

Сорвал с Веры кофту, одним движением обмотал вокруг её головы, ослепляя и не давая дышать. Какое-то время Вера ещё колотила ногами воздух, потом прижали и их. Сил не осталось, и она, затихая, просто завывала, предчувствуя страшное.

Глава 5

— Дядя Егорка, не приехала. Автобус из Суземки вообще не пришёл, — Анна прошептала тайну, выманив Егора в сенцы. — Бегала и к Женьке, но он не хочет идти к нам спать. Говорит, раз сестра обещала приехать, то приедет. У них, у сирот, слово крепкое.

Про то, что сама без родителей, Аня не помнила.

— Васька куда исчез?

— Сначала искал фонарик. Потом поел — аж ложки глазами моргали, и побежал к клубу.

— Ты сама не исчезни. Видишь, дедушке плохо было. Будь рядом.

— А ты куда?

— На кудыкину гору.

— Ладно, можешь не говорить, сама всё догадаю. Только скажи, что дальше: кудыкина гора или куда Макар телят не гонял?

— Семнадцать. Это точно дальше, — племянницу можно было остановить только неразрешимой загадкой.

Не давая ей, онемевшей, прийти в себя, подтолкнул в хату. Отцу, слава Богу, заметно полегчало, он уже крутился по хозяйству, но бережёного Бог бережёт. “А не бережёного — конвой стережёт”, — вспомнил свою недавнюю одиссею.

И какой же она показалась далёкой... Сколько событий налегло друг на друга после возвращения в Союз... Впрочем, и Союза уже нет. И не вернулась Вера. Не пошёл автобус, и она осталась снова ночевать на вокзале? Или прав Женька — возьмёт и пойдёт пешком? Тогда надо брать велосипед и ехать навстречу.

Село готовилось ко сну. Гремели подошники, детей зазывали по домам. Тянуло дымком — выжигалась прошлогодняя трава, высвобождая огороды под пахоту. В небе появлялись звёзды, отбивая женихов у царствующей на небосводе Венеры. Да, садиться на велосипед и ехать в Суземку. Но сначала зайти к Женьке, подбодрить пацана, и вперёд. За час-полтора управится, и вместе с пропажей домой.

Дойти до Женьки не успел, позвали от озера:

— Егор!

Татьяна? Что ж она всё время лезет под руку? Поджидала, что ли? А она уже отделилась от ракиты, выпустившей свои длинные космы прямо в воду, махнула рукой: я тут.

— Не спишься? Мне тоже. Муж где-то с кем-то гуляет по Москве, а я вот тут, с собакой и лягушками...

Сразу обо всём и сообщила, и за всё возможное в будущем оправдалась. Танька-Танька, хорошая ты девка, но им лучше не соприкасаться. Не ворошить прошлое. Слышишь, как квакают лягушки? Хуже, чем вороньё. И на воде пусть и блестящая, но ломаная тень от полной луны. Бесы в полнолуние свадьбы справляют. Веди лучше свою собаку домой, ей вредно в таком возрасте по ночам шастать...

— А помнишь, Егор, эту ракету? — Татьяна похлопала по выгнутому к воде стволу. — Здесь ты мне и изменил, целовал после восьмого класса Райку-москвичку. Помню. Помню всё наше. Я даже хотела спилить её, вот, зазубрина от пилы осталась, — потрогала один её известный шрам на стволе. — А меня так не хочешь поцеловать? Я, может, слаще...

— Ты замужем, — попытался деликатно отрезать прошлое Егор. Чтобы не ходить с пилами к новым ракитам...

— На сегодня — нет, — торопливо успокоила та и подалась навстречу, схватив Егора за руки. — Я, может, тебя всю жизнь жду. Замуж вышла, а ни разу не целовалась. Ни разу, чтоб сладко стало. Муж пристаёт,

а я вру, что не люблю целоваться. А тут бах — ты приехал, разбередил. Зачем?

Затормошила Егора, потом сама приникла к его груди, выражая радость от своего же “зачем”.

— Не надо, — отстранил девушку Егор.

Да только разве Танька своего упустит? Оторвётся от мёда, которого всю семейную жизнь хотелось? Сама отыскивала губы Егора, сама водила его рукой по своему телу, вызывая собственную дрожь. Егор, как мог, сдерживал её порыв, понимая и оправдывая несостоявшуюся невесту, но не давая своей холодной отстранённостью надежд на будущее. Таня не могла не чувствовать этой отчуждённости, но и остановиться было свыше её воли. А огонь вспыхивает и от трения...

На дороге послышались шаги, и Егор сам увлёк девушку в темноту на радость собаке, которой представлялась возможность спокойно полежать. Это днём в деревне можно пройти голым и никем не замеченным, а ночные встречи рано или поздно становятся достоянием всех.

Не хотела, чтобы её видели, и вернувшись в село Вера. В изодранном платье, с распухшими губами, в единой корочке от навоза, грязи и крови на коленях, она шла к озеру обмыться, чтобы не испугать своим видом Женьку. И около первой же ракиты услышала голос Егора. Что ему “не надо”? Кому говорит? Точно он?

Присела, не зная, хватит ли сил встать обратно. Страшнее, если Егор увидит её и подумает, будто она следит. Никогда не занималась этим и не будет. Хотя если бы поехал, как обещал, с ней в больницу, ничего бы не случилось. Но, видать, кто-то оказался важнее. Пусть! Только отныне и она никому ничего никогда не простит. И ни во что не поверит.

— Ну, поласкай, поласкай же. Хочешь ведь, — донёсся от ракиты женский голос.

Татьяна!

Закрыв уши, Вера побежала прочь от озера. Пусть даже увидят и подумают что угодно. Ей всё равно.

Ворвалась в палисад, распахнула, вырывая оставшиеся пуговицы, кофту на груди. Осела на ступеньки крыльца. Последняя опора, к которой она брела от дубков, на которую надеялась, оказалась миражом. Теперь точно хоть в петлю головой. И разом всё закончится. Тогда и Оксане как круглой сироте могут сделать операцию бесплатно. А она не хочет жить. Незачем жить. И Женька не пропадёт, уже большой...

— Вера Сергеевна, — послышался от калитки шёпот. — Вера Сергеевна, можно к вам?

Над штaketником вертелась кудлатая голова Васьки. К ней можно, Вася. Пока можно. Ты один оказался надёжен на этом свете. Не оставь потом Оксанку...

Ни поправлять одежду, принимая более пристойный вид, ни вставать на встречу не стала. У нее нет сил держать на своих плечах небо, даже на коромысле Млечного Пути. Предлагают живой водицы из своих ковшей и Большая, и Малая Медведицы, да стоит на страже, прямо над Васькиной головой, с луком Стрелец-кентавр. По астрономии помнит — центр Галактики. И натянута тетива в луке. На первое же её движение к спасению отпустит стрелу...

Опустила голову с неба на грешную землю. Хотя не земля грешна, а люди на ней.

Васька замер от её вида, но от расспросов воздержался. Сказал о самом главном:

— Вера Сергеевна, я знаю, где достать деньги для Оксаны.

— Вер, это ты? — раздался из сеней голос Женьки.

— Я, Женья, ты. Сейчас зайду, — крикнула, не обернувшись, лишь бы не потерять Ваську из виду. Не пропустит слова, которые тот говорит. Но где он достанет деньги? Разве их можно найти в таком количестве? Но, если что, она и часы продаст, и туфли школьные. Всё равно они теперь не нужны!

Не хотела, а подхватила к калитке, припала ухом к Васькиным губам — самой ни словечка не пропустить, другим не дать их услышать. Кентавр, как ни привставал на своих копытах, потерял её из своего прицельного прищура. Густые деревья растут в Журиницах! Высокие. Партизанские. Спрячут. Уберегут. И кивала согласно на всё, что шептал-предлагал Васька. И сразу поверила в чудо. Это та копеечка, о которой молила по пути из Суземки. Найдись она раньше, может, и не случилось бы встречи у дубков. Или наоборот? Не произойди она, может, не пришёл бы Васька. Дала глоток Большая Медведица?

Весь план дня завтрашнего, спасительного, обсудить не успели. От дороги послышались шаги, тень обрисовала Егора, и Васька нырнул в крапиву около ограды.

— Вер, — опять позвал Женька, на этот раз распахнув дверь.

Свет из сеней осветил её, и подошедший Егор, повторяя племянника, замер от неожиданности. Значит, и впрямь у неё вид не самый радужный.

— Что... что с тобой?

На этот раз Веру подкосила не усталость, а обида. Облокотилась на калитку, одновременно закрывая вход, но Егор легко отодвинул преграду. Повернул Веру к свету. Всмотрелся в разбитые, припухшие губы, царапины на шее.

— Кто?

— Не знаю, — честно ответила Вера и с вызовом посмотрела на Егора: а тебе-то какое дело? Иди к реке, ласкай недолюбленных.

— Тебя... обидели?

Вера усмехнулась, скосила глаза на бурьян, в котором таился Васька. Промолчала.

— Вызываем милицию!

И вновь горькая усмешка стала Егору ответом: ты хочешь, чтобы обо мне судачило всё село? Дети в школе показывали пальцем? В деревне насилие прячется глубже, чем измена. На то, скорее всего, и рассчитывали встретившие её на дороге. Лучше бы вы, товарищ капитан, поехали в Суземку, как обещали...

— Что-нибудь запомнила?

Вера намерилась отмахнуться и от этого, но Егор мог начать задавать при ребятах совсем уж откровенные вопросы, и она оглянулась на замершего в проёме дверей Женьку: иду.

— Красная машина. Задний фонарь разбит. Правый. Я пойду.

Волоча кофту и ноги по земле, пошла в дом. Обняла перепуганного брата, закрыла дверь. Егор от отчаяния вбил кулак в штакетину, та легко переломилась на лаге, даже не успев спружинить. Поднял оторвавшуюся от кофты пуговицу и быстрым шагом направился к своему дому.

Вылез из первой, а оттого самой жгучей крапивы Васька. Снимая тельняшку и с ожесточением расчесывая тело, бросился в противоположную сторону — к озеру, остудить в воде горящие ожоги. Лишь Стрелец, в одночасье растерявший все цели, остался на прежнем месте — в точке зимнего солнцестояния. Ему не было нужды суетиться: эти грешники не последние, ещё ни один человек на земле не спрятался от созвездий, от своих знаков зодиака. И уже через несколько минут под его прицел попал Егор, выехавший на велосипеде в сторону Суземки. Выстрелить из лука в него сразу или поиграться? Какая у него судьба по звёздам? Луна пусть и блекло, но освещала дорогу своим пузатым брюхом, и спицы на колёсах сливались в сплошной матовый круг. Значит, ехал быстро. Но тоже ведь никуда не денется. Земля-то круглая.

В Суземке, стараясь миновать даже редкие фонари, Егор первым делом проехал к станции, потом к больнице в поисках машин — их скопления он отметил утром именно там. Быстрого успеха, как и опасался, не достиг, и потому стал просто зачищать улицы, по возможности заглядывая во дворы. Гаражами Суземка похвастаться не могла, так что, если машина не загнана на века в какой-нибудь сарай, рано или поздно он найдёт её.

Время перевалило за полночь, прохожие практически не встречались, но Егор продолжал держаться тени: велосипедист слишком запоминающаяся

фигура в ночном посёлке. Что он сделает с машиной и её обладателями, не придумалось и за двадцать километров пути. Но то, что покусившиеся на Веру сотни, тысячи раз пожалеют о содеянном, он мог гарантировать. Уничжительный, полный разочарования и презрения взгляд Веры, её холодные односложные ответы дали ясно понять, кого винит в происшедшем. Самое страшное, что она права...

Проходил улица за улицей, закуток за закутком — как же расхристанна и самоуправна оказалась в своём устройении Суземка. Одно благо для разведчика — песчаные дороги позволяли пристальнее исследовать дома, к которым вели машинные следы. Те дворы, в нутро которых не смог заглянуть, помечал на перероверку в составленной схеме.

— Найдём, — в который раз вслух успокаивал себя Егор. — Не сегодня, так завтра.

И когда уже намеревался переждать на вокзале остаток ночи, чтобы с утра продолжить поиски, около одного из самых крайних особняков увидел то, что искал. Красный “жигулёнок” с разбитым задним фонарём пришибленным телком стоял около джипа, который Егор бы узнал из тысячи. Сергованцев! Почему сразу не подумал о нём? Случившееся мгновенно получило и мотивацию, выстроило логическую цепочку. Машины рядом. За ними, стыдливо прячась от соседства с нищетой и роскошью, козликом задрал зад милицейский “уазик”. В доме горит свет. Милиция каким-то образом уже вышла на след насильников?

За воротами, почуяв чужака, зашлась в лае собака. На веранде включили лампочку, но Егор не тронулся с места: мощного ствола тополя, растущего напротив особняка, хватало для укрытия. А собака привыкает к тем, кто не убегает.

— Фу, — послышался голос. Не Борис. Правильно, не царское это дело — вести псарню. Всегда найдутся нукеры, которые на свист бегут быстрее гончих. — Ешь.

Пёс недоволен, но переключился с чужих шагов на угощение: если хозяева спокойны, то с домом всё нормально. Ворота отворились, показалась фигура с нимбом из милицейской фуражки. Над ним поднялись сжатые в братском рукопожатии руки.

— Да посидел бы ещё, — попробовал уговорить гостя невидимый за воротами Борис.

— Не последний раз, — успокоил милиционер.

“Козлик”, словно его отрывали от стойла с сеном, лишь с третьего рывка выполз задом на дорогу. В кабине заиграли восточные мотивы, водитель включил магнитофонную запись на полную мощь и потрусил на своём ишачке в центр.

Егор пытался спокойно оценить увиденное. Запрета водить дружбу, с кем пожелается, Борису нет, а “уазик” мог оказаться совершенно случайно в одном месте с меченым “жигулёнком”. Но в том, что участники вечеринки имеют покровительство в милиции, сомневаться не приходилось.

Едва зачах где-то в центре милицейский “козёл”, Егор перебрал содержимое поясной сумки. Что-то осталось от старых спецназовских запасов, что-то собрал у отца в чулане. Остановился на элементарном — жгуте и зажигалке. И не забыть родной закон: сначала исследовать пути отхода.

Пошёл вдоль небольшого озера в сторону психоневрологического диспансера, замаскировал велосипед в кустах под его забором. Среди психов искать вряд ли хватит ума.

Свет на веранде продолжал гореть, но собака лишь порычала на повторное приближение Егора, и он вошёл в тень от джипа. Присел, открыл в “Жигулях” лючок от бензобака. На крышке висел игрушечный замочек, и он легко скovyрнул его ножом с козлиным копытцем, некогда подаренным Ваське. А тут самому пригодился. Опустил жгут в бензобак. Демонстративно положил замок рядом с колесом. Насильники должны знать, что поджог — не случайность, что их начали преследовать. И отныне пусть боятся собственной тени. Потому что вряд ли, как и Вера, пойдут заявлять в милицию, где вольно или невольно, но вынуждены будут искать причину мести.

Впрочем, милиция прискачет на пожар сама, если прикормленная. Но есть дела, огласки которых не желает ни одна из сторон. Только он, капитан Буерашин, сторона третья. И по силе возможности воздаст каждому по делам их.

Прикрыв огонёк от зажигалки, поднёс его к пропитавшемуся бензином жгуту. А теперь можно слегка пробежаться.

Взрыв услышал около дамбы. Над улицей взвился огненный гриб, салютуя самому себе россыпью искр. Зашлись лаем собаки, которых в Суземке оказалось бессчётное множество. Но Егор спокойно замер у береговых деревьев. Делал ли он неправое дело? Да. Мучился ли сомнениями и угрызениями совести? Нет. Могло быть всё иначе? Да, не застань в одной компании с бандитами милиционера. Будет мстить дальше? Несомненно. Побитый “жигулёнок” не стоит гнутой копейки в судьбе Веры.

Ни гордости за сотворённое, ни злорадства от мести не чувствовал. С ним и с Верой пересеклись не враги, а уроды. Пока не убивает, но наказывает единственно возможным в данной ситуации способом. Так что гори всё синим пламенем. Как и положено при взрыве бензина.

Дождался, когда побегут на пожар люди, смешался с ними.

— У Сергованцева, у Сергованцева что-то взорвалось!

— Машина вроде.

— Там с вечера гуляют.

Оказались среди любопытных и велосипедисты, что порадовало Егора больше всего: теперь не окажется белой вороной. Подтянулся влед за мужиками к горящему факелом “жигулёнку”. От него, ломая высаженные вдоль забора ёлочки, с поджаренной молнией уходил джип. Два парня, взмахивая руками, носились вокруг огня, призывая на помощь, но народ не рвался рисковать. И только таджик-охранник бесполезно бегал с ведром за водой во двор.

Вернулся отогнавший на безопасное расстояние свою машину Борис. Люто, с огненными отблесками в зрачках, оглядел собравшихся. Егор задвинулся за соседа. Теперь можно и уходить, пока не подъехали пожарные и милиция, не стали выискивать свидетелей и подозрительных.

Глава 6

— Плохо встречаем, гражданин Буерашин.

— Здравствуйте. Лейтенант Околелов.

Вошедший в дом милиционер оглядел стены, прошёл к столу, бросил на скатерть запутавшуюся в ремнях офицерскую сумку. Побарабанил по ней пальчиками с кустиками чёрных волос на фалангах: ты у меня здесь, и я всё про тебя знаю. Так что зря не бежал к калитке, не спешил распахивать дверь, не склонил повинно голову и не предлагаешь присесть. Жаль. Но на этот случай есть в ментовке лозунг: кто не с нами — тот у нас.

Егор в ответ откровенно усмехнулся. Не хватало ещё в собственном доме стоять навтыяжку перед лейтенантом. Грехи, за которые составляются протоколы, надо ещё доказать. А они недоказуемы из-за отсутствия улик. Так что ведите себя адекватно, товарищ лейтенант. Случаем, не вы были вчера ночью в доме Сергованцева?

Сел на диван сам:

— Я слушаю.

— Слушать буду я, — не согласился Околелов, усаживаясь за стол без приглашения.

Распахнул сумку, в слюдяном окошке которой мелькнула нарисованная от руки схема района. Она напомнила Егору кабинет “Кап-раза”, где при бросках “на холод” они изучали карты, на которых вмещалась половина земного шара. Как всё скукожилось...

— Итак...

— Итак... — эхом повторил Егор, требуя внятных объяснений. Они у вас есть, товарищ лейтенант? А заявление о поджоге тоже есть? Вряд ли...

В кухонном окошке мелькнул отец, проверявший грядки. А вот это плохо. Незачем ему волноваться по пустякам. Надо выяснить всё до его прихода...

Милиционер сам поторопился:

— Вы сегодня ночью уезжали из села?

— Вы имеете право об этом спрашивать?

— Раз в форме, то имею, — явно наслаждался своими полномочиями лейтенант. Достал схему, принялся глубокомысленно, но без дела изучать на ней линии, квадратики и деревца. А страны и континенты слабо? — Итак, где вы провели ночь?

— Дома. Сначала у озера, потом пришёл домой.

— Это кто-то может подтвердить?

— Возможно... Кого-то встречал, с кем-то разговаривал. Потом лёг в подвале, почитал. Онуфрия де Бальзака, — скосил глаз на Околелова. Тот спокойно проглотил исковерканное имя француза. — И вот только недавно проснулся.

Где там отец? Прислушивается к разговору? Не может быть, чтобы так быстро вычислили возможного кандидата в поджигатели. Или просто больше некого? Берут на испуг?

— Хорошо, если это так, — кивнул Околелов, но выражение на лице не сменил: ваше дело вешать мне лапшу на уши, наше — снимать её по одной макаронине. Важно, кто потом из них суп сварит...

Отец загремел в сенцах вёдрами. Сейчас расставит их в ряд на лавке и войдёт в хату.

— А что, собственно, случилось? — вынужденно пошёл на ускорение событий Егор, лишь бы прекратить игру в гадалки.

— А ты не знаешь? — хлопнул ладонью по столу лейтенант.

Увидел, почувствовал, что противник в какой-то момент дрогнул, пошёл на попятную, и потому можно было прекратить чистоплюйство...

— Нет.

— Отец? — кивком на дверь поинтересовался Околелов, и стало ясно, что унижался Егор зря: лейтенант ждал именно его появления.

И не факт, что сделал это из вредности или потому, что выпало ему жить с такой фамилией. Ума хватило проанализировать: раз подозреваемый боится присутствия отца, значит, тот и должен стать ключиком, который откроет нужные для следствия секреты.

Не обманулся в ожиданиях. Фёдор Максимович при виде гостя в погонах настороженно посмотрел на Егора.

— Интересуюсь вашим сынком, — сокрушенно начал Околелов, взывая к состраданию: у меня и так забот полон рот по всему району, а из-за вас пришлось добираться в несуетную даль. Но тут же едва не взял Егора за грудки: — Ну, будешь рассказывать или подёргать за одно место?

У Фёдора Максимовича подкосились ноги, и Егор не нашёл лучшего способа привести отца в чувство, как заставить его что-то делать:

— Подай воды, пожалуйста.

При любом раскладе тот не должен слышать про поджоги. И стало ясно, почему люди ненавидят ментов. Потому что те взаимно презирают всё остальное человечество, оставшееся без погон.

— Подай, подай, — разрешил отцу, когда тот стал ждать указаний от участкового.

А Околелову всё равно хорошо. Когда подозреваемые начинают нервничать при свидетелях, значит, они созрели. Пора трясти грушу.

Однако едва затворилась дверь за отцом, Егор сбросил шкуру послушной овцы и надвинулся на Околелова так, что тот вдавился в стул:

— Слушай сюда, лейтенант. Говорю один раз.

Перемена подозреваемого заставила милиционера испуганно бросить взгляд в окно, на оставшегося у машины напарника.

— Я не знаю, с чем ты приехал, но вякнешь в этих стенах и при отце хоть ещё одно неуважительное слово, я сам подвешу тебя за все места сразу. Вот на этой матице, — кивнул, не глядя, на потолок. Помнил: там вбит крюк, на котором колыхалась и его зыбка.

— Да кто ты... Да я тебя... — схватился за планшетку, как за бронжилет, лейтенант. Волосики на побелевших пальцах вздыбились, на лице начали загораться красные пятна. — Да ты не знаешь...

— Знаю, — начал обретать всё большее спокойствие Егор. Это не отец забыл, что у него сын офицер. Самому важно не переставать чувствовать на плечах капитанские погоны. Пусть и снятые. — Я знаю и свои права, и твои обязанности.

— Пожалеешь, — попробовал улыбнуться Околелов, но лишь сgrimасничал.

Оставил планшетку, но лишь для того, чтобы расстегнуть кобуру. Пистолет вытаскивал так торопливо, а значит медленно, что Егор мог несколько раз перехватить трясущуюся руку противника. Лейтенант же, ребром ладони пробив листву герани на подоконнике, распахнул створки окна, только вчера освобождённые после зимы от вторых рам. Крикнул напарнику:

— Зайди сюда. Быстрее.

Дело, при всей его абсурдности, приобретало не совсем радужный для Егора оттенок: человек, доставший оружие, перестаёт искать выход из ситуации. Грани дозволенного стёрлись, и любое неосторожное движение могло привести к выстрелу. С последующей записью в объяснительной записке: “Оружие применено в целях вынужденной самообороны”.

Или показать мальчику, как красиво, смешно и глупо можно лишиться оружия? Хотя это уже применение силы против милиции, которая в данный момент при исполнении...

— Убери пистолет, — как можно спокойнее посоветовал Егор, усаживаясь на лавку.

— Здесь я команду! — не согласился лейтенант, вновь обретая счастье от всевластия.

Как быстро, оказывается, из-за ерунды люди способны возненавидеть и уничтожить друг друга! И испытать при этом удовольствие. А у Околелова оно стало полным, едва увидел на подоконнике, рядом с цветочным горшком, журнал со статьёй о колоколах, испещрённой пометками. Облегчённо улыбнулся:

— Тронешься — отстрелю все пять конечностей.

“Себе”, — мысленно уточнил Егор, зорко следя за милиционером. Как говорят ниндзя, пожалей врага своего, который вышел на тебя войной. Ибо он ещё не знает, что уже мёртв...

Окончательное напряжение Околелову снял вошедший долговязый напарник с запровленной в брюки рубашкой. Вытаращил глаза на пистолет. И лейтенант в первую очередь ему как потенциальному свидетелю, а заодно для будущего протокола отчеканил все формулировки, которые припомнил из милицейской практики:

— За оскорбление представителя правоохранительных органов, за угрозы, за неподчинение приказам, нежелание отвечать на вопросы по существу — вы задержаны до выяснения всех обстоятельств дела. Следуйте в машину!

— Мне нечего было отвечать, так как вы не объяснили причину ваших угроз, — не тронулся с места Егор, тоже переходя на официальный тон. Долговязый сержант худо-бедно, но одновременно служил свидетелем и для него. — Взаимно требую чёткого и безусловного выполнения ваших служебных обязанностей и внятного объяснения, в чем конкретно я, капитан Егор Буерашин, подозреваюсь.

Говорил не только для протокола. Очень хотелось выяснить степень осведомлённости милицейского десанта о ночном происшествии, чтобы по пути в Суземку обдумать дальнейшее поведение.

Как ни странно, напоминание о воинском звании помогло.

— Вы подозреваетесь в воровстве деревенского колокола, — смог, наконец, сформулировать претензии Околелов. И с улыбкой помахал “Техникой — молодёжи” с закладкой как раз на странице о колоколах: уголовка от тебя в любом случае никуда не денется.

— Что?

По мере того, как до Егора доходил смысл обвинений, он улыбался всё шире и шире. Значит, не поджог? Абсурд в обвинении Околелова был полный, но кто мог позариться на колокол? Зачем? И как смогли снять и незаметно увезти из села такую громадину? Когда? Тоже сегодня ночью? Или

это ответный удар лично по нему таким изуверским способом? Недооценил противника? Ведь и впрямь говорил Сергованцеву, что цены ему нет. Только кража применительно к нему вообще недоказуема. Хотят показать свой оскал, свои возможности? Ничего не получится, у крокодилов кожа толстая. А брюхо он прикроет...

— Пойдёмте, — с лёгким сердцем направился Егор к двери.

А вот Околелов замешкался. Видел, кожей чувствовал: хозяин чего-то боится. Даже если и не в колоколе причина, тем не менее что-то происходило с Буерашиным сегодняшней ночью, если повергло его в смущение при упоминании о ней. Потому требовалось ковырять, ковырять ранку, пока потенциальный клиент не взвоет от безысходной боли. Нужен результат. Звёздочки старшего лейтенанта на погон просто так не падают, а они пообещались досрочно. Не говоря уже о гонораре от Сергованцева, который сообщил о пропаже набатника и дал наводку...

— Куда? — подался в сенцах к Егору отец. Увидев, что оказался на пути с пустым ведром, со звоном опустил его на пол — чур, не нас!

— До района и обратно, — как можно спокойнее ответил Егор. Несмотря на плохую примету, с чистым сердцем смог пояснить причину: — Говорят, колокол наш украли. Желают поинтересоваться.

— Колокол? Как украли? Кто? А ты при чём здесь?

— Вот там и надо это объяснить. Скоро буду. Что в магазине купить?

Фёдор Максимович не поверил в игривый тон сына. Да и как поверить, если ему в спину наставлен пистолет. Что произошло с Егором там, в Москве? Почему сняли погоны? За какие прегрешения? Местная милиция бы не позволила себе так беспредельничать. Значит, политика? А колокол — это всего лишь повод?

— Недоразумение, пап. А ребята просто не наигрались в детстве в войнушку, — кивнул за спину, на пистолетик Околелова.

Участковый усмехнулся недобро: будет тебе войнушка. Кто не с нами, тот у нас. И плевать, кто какие погоны носил вчера. Новый день рождает если не новых командиров, то уж конвоиров — точно.

Призывать лейтенанта к уважению или хотя бы к простому исполнению своих обязанностей было бессмысленно, и Егор сам заторопился на улицу. Милиция, слава Богу, состоит не из одних околовых, так что через час-другой проблема останется лишь в том, как добираться из райцентра обратно. Неужели всё-таки Сергованцев вычислил возможного поджигателя и зашёл с другого бока? Но колокол-то при чём?

В “уазике”, едва он взялся за спинку сиденья, запястье тут же сцепили наручники, приковали к металлической дужке. Бред. Колумбия. Посреди отцовского партизанского леса. Как же он поставит во фронт этого милицейского заморыша, когда всё закончится...

Посмотрел в окно. Из-за соседского забора, словно пионерская зорька, тут как тут показался дед Степан. Отец оседал у палисадника, хватаясь за почерневший от старости штакетник, и Егор дёрнулся наружу.

— Сидеть! — навёл с переднего сиденья любимую игрушку лейтенант.

— Ты что, не видишь? — кивнул на отца Егор.

— А у меня такое кино каждый день, — Околелов поддел стволом козырёк фуражки. — Поехали.

Водитель неодобрительно глянул на старшего, но подчинился. Лейтенант дотянулся до приёмника, и Егор услышал знакомую восточную мелодию. Всё-таки Околелов! Он был у Сергованцева. Никакой случайности в аресте нет.

На стекло упали, разбившись вдребезги, несколько капель дождя. Развозя грязь, заработали дворники. К отцу спешил Степан, и это сдержало Егора. Он, к сожалению, не Рэмбо, он просто вернулся в родное село...

— Чему ухмыляешься? — не вынес Околелов усмешки над ушами. — Лучше думай, что станешь рассказывать, — кивнул на журнал как основную улику.

— Если и расскажу, то не тебе, — откровенно послал лейтенанта Буерашин.

У него железнейшее алиби — он просто не воровал колокол. А история с Верой и машиной — это их внутреннее дело, в котором государство, к сожалению, помочь не может. Нет защитной статьи в Уголовном кодексе на порядочность. Поэтому всё остальное он берёт на себя.

Околелов отстегнул наручники, лишь когда заехали во дворик отделения милиции.

— Вымётывай свою задницу.

Егор из кабины оглядел перевалившиеся из частного сада через забор мокрые ветки яблонь, притулившийся в уголке туалет с покосившейся зелёной дверкой.

— Я что-то неясно сказал? — повысил голос Околелов.

— Но ты же приказал это самому себе.

Оказаться оскорблённым во дворе собственной крепости Околелов не ожидал. Понимая, что в одиночку со строптивым клиентом не справиться, побежал по узенькой, в одну тротуарную плитку, извилистой змейке к двухэтажному зданию. Водитель, предугадывая последствия, демонстративно подтянул брюки и поспешил к туалету — и от греха подальше, и к удовольствию ближе. А Егор сам ступил на землю. Потянулся, разминаясь. Надо думать, как добираться обратно.

Но в момент, когда захлопнулась туалетная дверь, распахнулась точно такая же перекошенная в милиции. С автоматами наперевес, на ходу вбивая в их открытые подбрюшья магазины с патронами, во двор вырвались трое милиционеров. Тротуарчика на всех не хватило, и бежали цугом, как на штурм рейхстага. С такой же отвагой, не давая Егору опомниться, сбили с ног. В живот воткнулся ствол автомата, оружие резко повернули, наматывая на мушку вместе с рубашкой и кожу. На горло наступили ботинком. Проворные руки привычно прошлись по карманам, выдернули из брюк ремень. Ничего нового для арестанта в этом подлунном мире, хоть в какой его точке находишься.

— Убежать хотел? — послышался довольный голос Околелова, набиравшего всё новые и новые очки в свою пользу. — Буяннить вздумал? В пресс-хату его. До понедельника.

Вышедший из туалета водитель осторожно обошёл место, где только что лежал подозреваемый. Оглядевшись, проворно собрал выпавшие монетки. Валявшуюся там же женскую пуговицу вдавил ботинком в мокрую землю — здесь ничего не было и лично он ничего не видел...

Глава 7

Васька задерживался, и Вера в нетерпении и тревоге прислушивалась к звукам. Тишина на селе. Никто нигде не идёт и не едет. Неужели всё сорвалось? Она клянётся, что как только соберёт деньги, уедет с ребятами отсюда навсегда. Не оставив ни следов, ни памяти. Только бы...

За кладбищем, прижившемся на самом высоком взгорке между селом и границей с Украиной, послышался негромкий рокот. Бросилась в огород. Фары не светят, но об этом предупреждали. Она всё понимает и осознаёт преступность задуманного Васькой, в другой раз бы сама уши надрала, но сегодня на кон поставлена жизнь Оксаны. И если во всей стране некому помочь человеку, то остаётся или безропотно идти на заклятие, или помочь себе самому.

Натужный от усилий, но не надрывный, не привлекающий к себе внимания, гул мотора приближался к её дому. Такой если и услышишь, то через мгновение к нему привыкнешь и перестанешь воспринимать. Мало ли кто из ребят катает девчонок по полям.

Передёрнула плечами. Не от озноба, оделась вроде плотно. Значит, волнение. Как же быстро способна переворачиваться песочными часами судьба. Но, может, у дубков истекли слезами её последние песчинки горя, и отныне будет прибывать только удача?

Машина тем временем остановилась за несколько метров от огорода, а вскоре показался и Васька. словно чувствуя нетерпение сообщницы, он

бежал по меже, и его уверенный бег успокоил: значит, границу пересекли нормально. Теперь задача быстро разгрузиться. Сарай, чулан и подвал вычищены, тюки не испачкаются. А если контрабандисты и впрямь будут выдавать обещанные суммы, хватит трёх месяцев, чтобы спасти Оксанку. Все первого сентября в школу, а они — на операцию. И тогда на Ваську молиться до конца дней.

— Я здесь, — окликнула его.

— Всё нормально? Заезжать?

— Никого.

Парень метнулся обратно в поле. Вскоре, мягко переваливаясь по пахоте, крытая тентом “газель” с раздутыми, словно у коровы, боками подъехала к воротам. Из кабины выскочил Васька, на ходу сбрасывая свитер. С другой стороны показался худощавый небритый мужик неопределённого возраста. Скосил глаза на хозяйку, оценивая её надёжность в деле, открыл борт.

— Куда? — спросил шёпотом, взваливая на спину тюк, оббитый, словно лианами, жёлтой липкой лентой.

Вера шмыгнула в сарай, указала на сенник. Васькины родители обустроились основательно, намереваясь держать скот, и потому под сено отвели много места. Если надо, “газель” сама войдёт вместе с товаром.

Хотела помочь в разгрузке, но Васька отгёр в сторону, крепеньким мужичком снуя от машины к сараю. У кого родилась идея переправлять товар с Украины в Россию через неохраямый чернобыльский лес, ему самому неизвестно. Но наемни именно к нему подошёл на делянке горелого леса незнакомый мужик. Подманил.

— Буерашин? Васька?

— Я самый, — удивился осведомлённости незнакомца Василий.

— Дело есть. Пойдём покурим.

Работавшие на лесоповале мужики скосили на пришельца взгляд, но вмешиваться в чужие интересы не стали. Им платили за вырубку леса, а Васька местный, мало какие и с кем дела мог иметь. Да ещё крестник начальника.

— Заработать немного хочешь? — с ходу заговорил о главном незнакомец.

— Хмыз продать? — смекнул Васька, посмотрев на сваленные в кучу обрубленные ветки. Это запросто, всё равно жечь.

Незнакомец усмехнулся мелочности желаний:

— Есть люди, которые хотели бы перебросить с Украины в Журиничи одну-две машины товаров. Ты бы подсказал, где его можно подержать ночь? А утром машины с брянскими номерами малыми партиями их бы и вывезли. Тебе навар, нам — отсутствие проблем на таможне, к которой надо ещё делать крюк в полторы сотни километров.

— А...

— С погранцами договор есть, они дадут нам коридор на полтора часа. Расчёт сразу по разгрузке. Подумаем? Через денёк в это же время подойду вон к тем берёзкам.

Думать, если честно, Васька не хотел. Хватит с него страхов, что натерпелся, попав в ловушку с поджогом и потеряв нож. Обойдётся тем, что платят на пилораме.

Да только в тот же день узнал новость про операцию и деньги Оксане...

— Всё, бывайте, — кивнул шофёр и по старому следу начал выводить машину на дорогу.

Вера тревожно обернулась на Ваську — а деньги? Тот сам с недоверчивой улыбкой показал пачку. Неужели и вправду вот так, за несколько минут, можно получить столько деньжищ? Получилось? И завтра придут опять?

Женька не мог не заметить днём её уборку в сарае, но Вера, ничего не объясняя, усадила его делать уроки. На риск она пойдёт одна, ей есть что терять. А Васька... Ваське спасибо. До конца дней. Если одни подталкивают к пропасти, то всегда находятся и те, кто протянет руку. Васька протянул.

— Держите, — на данный момент Василий протягивал ещё и деньги.

— Нет, не все же, — отступила Вера. — Ты всё делал.

— Это Оксане, — счастливо улыбнулся Василий, зримо и весомо ощущая личную помощь невесте. — На завтра обещали сразу две машины.

— Хорошо бы, — Вера даже представила, насколько большая сумма окажется в пачке. Деньги стали смыслом жизни, её продолжением. А чем больше машин, тем лучше. Она и подвал подчистила на всякий случай, и погреб...

— Спасибо тебе. Иди, отдыхай.

— Ага. А то первым автобусом хочу поехать в Суземку. К Оксане зайду и про дядю Егора что-нибудь попробую узнать.

— А что дядя Егор? — замерла Вера. Она ничего не знает!

— Как забрала милиция, так до сих пор и нет, — удивился незнанию главной новости в селе Василий. Видя, что недоумение у Веры Сергеевны искреннее, пояснил: — Колокол же украли! Подъехали ночью под треногу, спилили автогенем и увезли. В милиции, дураки, говорят, что это дядя Егор сделал. Вроде перед этим он у людей узнавал, сколько тот может стоять. А я не верю!

Вера нащупала лавку. То, что арест Егора связан каким-то образом именно с ней, сомнений не вызывало: она говорила ему про машину. Или ради Оксаны всё же глянул на колокол?

— А что милиция?

— Дед звонил туда. Говорят, задержан до выяснения обстоятельств.

Из-за неё!

— Я еду с тобой. Мне тоже к Оксане.

— Вера Сергеевна, вам надо ждать машины под развоз товара, — Василий кивнул на сарай. — А я что узнаю, сообщу сразу же. Побегу. А то дед наверняка ждёт.

Фёдор Максимович рассеянно собирал рюкзак. Запасные портянки, рубашка. Кружка. Нож завернуть в полотенчик. Еда. Соль в спичечном коробке. В аптекарствах разбирался слабо, но от давления, головы, живота и сердца напёл. Опять портянки под рукой. Вторые или забыл положить? Спички для надёжности завернул в пакет. На вошедшего Василия обернулся недовольно:

— Куда фонарик дел?

Глаза внука забегали, и чтобы не заставлять его врать, приказал:

— К утру чтобы лежал на столе.

— Я хотел утром в Суземку. Узнать про дядю Егора.

Фёдор Максимович оторвался от рюкзака, посмотрел на внука. Протянул руку, усадил рядом на диван.

— Дядя Егор не мог этого сделать.

— Я знаю. А ты куда собрался?

— Похожу по сёлам. Не может быть, чтобы никто ничего не видел. Не иголка же в кармане. А ты веди дом.

— Может, пусть милиция...

— Я это сделаю быстрее. Потому что если они не поверили Егору, то я не верю им. А Буерашины чужого никогда не брали, Васятка.

— Да народ почти и не верит...

Фёдор Максимович хлопнул внуку по колену: вот именно — “почти”. А он не привык ходить по селу с опущенной даже по наговору головой...

Рано утром, не увидев фонарик, тем не менее не стал будить ни Васюку, ни Анютку. Переложив из холодильника в рюкзак пакет с едой, вышел из дома. Проверил велосипед, постучав им о землю: прыгает, шины накачаны. В щели забора мелькнул неизменным глазом сосед. Цепляться за разговор не хотелось, но попросил:

— Степан, я тут на день-два отлучусь... по своим лесным делам. Если что, глянь за ребятами.

Над забором показалась кепка, глаза под ней срезали взглядом двор, экипировку соседа.

— Я тут что подумал, — козырёк почесал лоб. — У нас во всей округе до Брянска церковей нет, колокол не пристроишь, — Степан, зная характер соседа, безошибочно угадал, куда и зачем тот собрался. — И металлолом нигде не принимают. Думаю, так: если увезли, то на Украину.

Про такой вариант Фёдор Максимович даже не подумал. Вроде как граница. Но там и впрямь легче запутать карты. А вот следы от машины должны остаться, не на крыльях же перенесли такую громадину через лес. И он не в каждом месте пустит через себя транспорт. Так что если идти опушкой, то на след наткнёшься рано или поздно. Но в таком случае придётся идти пешком, велосипед через бурелом не протащишь. Но спасибо, сосед, за наводку.

— Присмотрю, — благословил Степан.

Фёдор Максимович кивнул в благодарность, загнал обратно велосипед в сарай и заторопился, желая выйти из села, пока оно безлюдно. Васятка прав, многие не верят про Егора, но он не вернётся домой, пока не докажет полную невиновность сына. И пусть опустят головы те, кто вздумал вместе с милицией усомниться в порядочности Буерашиных.

Устроив рюкзак за спиной, привычно, как делал это десятки лет, направился к лесу. Тот, в отличие от людей, не предаст. Укрыл в войну, подскажет путь и к правде. Не думал только, что на старости лет придётся искать её.

Отыскивая машинные следы, Фёдор Максимович осознал, насколько зарос, покрылся буреломом лес. По прежним временам его как лесничего уже давно вызвали бы на ковёр вместе с секретарём райкома, не обеспечившим чистку. А тут зарастай хоть до самого Киева: лесников сократили, у районного начальства обязанности следить за порядком отменили. Да что лес, поля стоят заросшие, и ни один чиновник ни в Москве, ни в Брянске не заругался.

Вспомнилось, как водил по колхозным полям своего бывшего партизанского командира. Первое, что сделал Евсей Кузьмич, став секретарем райкома партии, — это купил резиновые сапоги и обошёл все районные угодья. Сила была у обоих. А сейчас командир совсем плох, зубило в руках не держит, всё больше по пальцам молотком бьёт. Но ничего, немца разбили, а лепёшку тем более сковырнут. Только придётся эти дни Евсею Кузьмичу попотеть одному.

Опушка, вдоль которой шагал Фёдор Максимович, упёрлась в Неруссу. Весенний паводок сошёл, река вновь вошла в искусственное русло, и этот факт почему-то расстроил. Совсем недавно они стояли здесь с Егоркой, тогда героем. Что с него требуют сейчас? Извинятся хоть, когда выяснится, что Егор не причастен к пропаже? Надо было позвонить военкому. Не подумал немного, поторопился бежать в лес. Но пропажу всё равно надо искать. И скорее.

Отдых дал себе у стоянки юнармейцев. В этом году “Партизанские костры” уже не планировали, потому как ликвидировали пионеров. Значит, угли ребячьих костров затухли навек. Поля с лесами заросли, костры погасли, благовест украли, невинных людей сажают. Вот и вся выгода от новой власти в Журиничках. Любить её?

Присел на чурбачок, оставленный ребятами с прошлого сбора. То ли от быстрой долгой ходьбы, то ли от волнения пошли стучать в висках уже узнаваемые молоточки, и он торопливо полез в рюкзак за лекарствами.

Запил таблетку экономно, одним глотком. Вспомнил фронт: самым надёжным солдатом у командира считался тот, кому можно было доверить нести последний глоток воды. А самое страшное на войне — отдавать в окружении свои боеприпасы другим. Не зная, с чем и в какой обстановке окажешься сам...

Откинулся на рюкзак, высвобождая грудь. На верхушках деревьев, словно плюшевые пушистые котятка, сидели облачка. День разгуливался на тепло, и это единственное, что радовало Фёдора Максимовича. А давление восстановится, дыхание придёт в норму. Дел ещё вон сколько — внуков выучить, родник доосвободить, совсем чуть-чуть осталось. Куцелапого выследить, хоть и притаился после зимы. Егора, опять же, дождаться. Колокол найти. Некогда руки складывать на груди.

Едва полегло, встал, взглядом отмерил новый отрезок пути. И едва отошёл от пионерского лагеря, удача словно сама упала под ноги. Примятая трава, оставленная грузовиком, вела на Украину, и Фёдор Максимович, успокаивая заколотившееся сердце, поспешил по следу в заросли орешника. Знал, верил, что лес не даст пропасть. А машина ехала дважды, туда и обратно. Кто же позарился на чужое? Ясно, что колокол больших денег стоит,

но разве можно продавать книгу по страницам? Он ведь — это целая история села. Целый роман. А точку в нём хотят поставить на его сыне. Герое. Он не даст.

Хватанул воздух ртом. Как же мало его в лесу, в этих зарослях. Быстрее бы опушка.

— Ну, что там опять, что... — прошептал Фёдор Максимович, расстёгивая рубаху на потной груди. — Нам надо идти. Тут недалеко, за следующим поворотом.

Память не подвела. Между наклонившихся над старой дорогой ветвей показался просвет, и он сцепил зубы. Доволок ноги до края леса. Яркое украинское солнце, пристальным пограничником всмотревшееся в глаза чужаку, заставило зажмуриться, и Фёдор Максимович вслед за отяжелевшим рюкзаком опустился к жёлтым колокольчикам первоцвета.

Глава 8

Прежде чем войти в палату, Околелов, едва сдерживая себя, процедил: — Сгною.

Его бывший подследственный лежал на койке у окна. Толстушка-медсестричка проворно управлялась с капельницей. Увидев милицейскую форму, одарила посетителя интересом. Форма привлекла внимание и грузного старика с угловой койки, читавшего устроенную на животе книгу. Зато сам Егор остался совершенно безучастным к гостю. Значит, милицейский гость ему не родственник и не знакомый, гостинцев не ждать.

— Мне к Бурашину, — сообщил вошедший.

На милицейском языке это означало, что посторонние по возможности должны оставить их наедине. Медсестра поправила марлевый беретик и, несмотря на довольно большой проход между кроватями, исхитрилась коснуться посетителя грудью. Старик, запомнив страницу, сунул книгу под подушку и отвернулся к стене. Это не очень устроило лейтенанта, но дежурный врач предупреждал, что в палате лежит послеоперационник. Хорошо, что ещё двух пациентов увели на перевязку.

— Я, собственно... здравствуйте...

Бурашин еле заметно кивнул в ответ: то ли ответно “здравствуйте”, то ли “я вас слушаю”.

— Начальство сказала — извиниться... Такое дело.

Извинять Околелова после всего, что было сделано им в пресс-хате, Егор не собирался. Но и увещевать — себе дороже. Одно радовало, что не пошёл в милицию искать там защиту для Веры. С такими защитниками ещё неизвестно, что могло бы случиться с ней самой.

— Собственно, всё, — Околелов побарабанил волосатыми пальцами по металлической дужке кровати. — Если прокуратура поинтересуется, я приходил...

Егор кивнул: приходил. А теперь уходи.

Но натура у милиционера взяла верх. Наклонившись над кроватью, прошептал только для одних ушей:

— Станешь вякать, достану из-под земли.

Насколько хватало силы воли, настолько Егор и старался безучастно смотреть в потолок. На нём у двери сгустилась тень. А может, просто потемнела краска. Над плафоном шпательными спрута распластались трещины. Сколько лет здесь не производилось ремонта? В вентиляционной решётке трепещет бархатистая пыль. А говорят, в больницах всё стерильно...

Не уловив реакции собеседника ни на просьбу о прощении, ни на угрозу, лейтенант вышел, посчитав нужным хлопнуть дверью. Когда вдогонку за его шагами простучали каблучки медсестры, старик отвалился от стены, устроил сверху себя живот, успокоил его кольханье руками и лишь после этого вернул на место книгу.

— Что-то не очень радостная встреча у вас получилась, — проговорил с одышкой. — Где-то схлестнулись?

— В пресс-хате.

— В библиотеке?

— Да нет. Это где прессуют.

— Бумагу? — никак не доходил иносказательный смысл до соседа.

Живот помешал ему повернуться, поворота головы оказалось недостаточно, чтобы видеть соседнюю койку, и потому ухмылки Егора он не рассмотрел.

— В пресс-хате — щёлочка под крышей вместо окна. Три шага от стены до стены. Каменный пол, на который наливают воду, чтобы не садился. Часа через два-три в воду начинают подбрасывать хлорку...

Чтобы удостовериться в правдивости рассказа, старик всё же перевалил живот на бок. Земляной вид новичка, капельница и целый ряд белых пластмассовых наперстков с таблетками на тумбочке убедили его в достоверности услышанного.

— Изверги.

— И это я им не прощу, — пообещал Егор скорее себе, чем вдогонку Околелову.

В дверь палаты постучали, но поскольку милиционеры и медперсонал этим себя не утруждают, можно было ждать только желанных гостей. Кто и к кому?

Едва в проёме показался посетитель, Егор принялся судорожно поправлять вокруг себя одеяло. Вера?!

Опережая учительницу, первым в палату на правах родственника протиснулся Васька. Одетый в чистое, с застёгнутой у самого горла пуговицей на рубашке, он цепко оглядел палату и застыл. Он знал своего дядю сильным, недосыгаемо геройским, жизнерадостным, а сейчас перед ним лежал опутанный трубочками от капельниц бледно-серый больной.

— Здорово, брат, — подбодрил племянника Егор и приподнял свободную руку, призывая ближе к себе. — Здравствуйте, Вера Сергеевна.

— Вам здравствуйте, — растерянно проговорила она, и Егор понял, что выглядит он и в самом деле не совсем презентабельно. Только лучше бы Вера не приходила совсем. Или одна...

В дверь протиснулась ещё и Оксана. Вера задержала сестру, но лишь для того, чтобы прикрыться ею, как щитом. Скорее всего, она сама и позвала ребят, чтобы не появляться в палате одной.

— Вам плохо? — вывел Егора из небытия тихий голос Веры.

— Нет. Просто... немного неудобно лежу.

Это заставило Веру заботливой медсестричкой склониться над Егором, помочь приподняться. Оглянувшись на сестру и Ваську, раскладывающих на тумбочке гостинцы, прошептала:

— Я сказала в прокуратуре, что в ту ночь мы были вместе. И что у вас нет грузовой машины...

Егор коснулся губами синяка у запястья Веры. Девушка вспыхнула, пряча рукавом халата следы насилия, сосед заворочался, Васька подозрительно замер. Увидели? Это уже не суть важно. Он любит эту женщину. Ни Танька, ни Оля, ни Ира — никто не зацепил так, как она. Когда умирал в "пресс-хате" от ядовитых паров хлорки, прощался с ней.

Васька кашлянул, показал на тумбочку:

— Тут Анька гостинцев собрала.

— Я в коридорчике посижу, а вы поговорите. До свидания, — ухватилась Вера за возможность уйти, уводя с собой и щит-сестру.

Она выразила свою признательность за всё, что Егор сделал для неё, но и не забыла озера. Тайна близких, дорогих людей — это яд...

А Егор, не знавший о подсмотренной встрече, обмяк: неужели больше не заглянет? Ведь не договорились, когда придёт ещё и одна.

— У нас всё в порядке, — вновь напомнил о доме Васька. — Дед пошёл по лесам, уже третий день нету. К вечеру ждём, еда должна вся кончиться.

— Не отпускай его больше никуда одного. Что Анютка?

— У неё ноги дома не живут. Бегает, женихается.

— С кем?

— А там любого в селе бери. Она ж у нас неотразимая.

— Поссорились, что ль?

— Больно нужно трогать эту цацу.

— Ясно. Ты, Васька, начинай смотреть на жизнь по-взрослому. Видишь, что со мной вдруг случилось. И с дедушкой накануне. Так что...

— Поправишься.

— Само собой. Но я всё равно должен знать, что ты — сила и надёжность!

— Кое-что можем, — согласился держать марку племянник. — Ладно, я пойду, а то врач запретил долго с тобой разговаривать.

— Анютке привет. И пусть Вера Сергеевна заглянет. Насчёт Оксанки.

Вера заглянула, но не тронула расстояние, какое заложили строители от двери до окна.

— У Оксаны всё нормально. Нас выписывают, едем домой. Выздоровляйте и вы. Я на тумбочке газетку районную оставила, посмотрите.

Отрываясь от потускневшего взгляда и протянутой руки Егора, прикрыла дверь. А он прикрыл глаза: не простила. Подобное, наверное, и не прощется. Причём одинаково как насильникам, так и тем, кто не уберёт от надругательства.

Вернулись ухोдившие на перевязку соседи. Принялись разбираться в мензурках с разложенными в них таблетками, а Егор дотянулся до газеты. Флوماстером была обведена колонка происшествий о ночном поджоге красных “жигулей”. Вера обвела именно этот материал. О чём-то догадывается? Не надо, ей ничего не нужно ни знать, ни предполагать, чтобы не оказаться втянутой ещё и в эту историю. В руки к околеловым ей попадать нельзя. Лучше бы пришла ещё. И одна...

Но Вера с ребятами уже подходила к автобусной остановке. Оксанка с Василием отстали, она же непроизвольно оглядывалась по сторонам. Призналась себе, что боится увидеть джип Бориса. Или хозяев сгоревших “жигулей”. Она не уверена, что сможет узнать их в толпе, но если вдруг случится... Что произойдёт дальше, Вера тоже не знала. Лишь бы не трогали больше её. И чтобы Егор никого не трогал. Они вон что смогли сделать даже с ним...

— Вер, скажи ему, чтобы не дразнился, — с обиженным видом попросила подбежавшая Оксана, счастливо улыбаясь.

Ей хотелось коснуться своей девичьей радостью окружающих, её счастье стало тесно в светлом одиночестве двоих. Не увидела, что чёрная полоса Веры не входит в семь цветов её с Васькой радуги.

— Вера Сергеевна, а пусть она слушает старших, — не остался в долгу Васька.

Пусть. Тебя можно слушать, Василий. Лишь бы всё получилось с операцией.

Молодёжь всё же почувствовала её отстранённость, но не усмотрела в ней вселенского горя и вновь отстала, зашущукалась. На автобусной остановке Вера кивнула, как старой знакомой, торговке калошами, вновь собирающей на своих плечах и голове голубей. Та порадовалась: вот видишь, и ты можешь успевать. Доброй дороги.

Проезжая дубки, Вера опустила голову и прикрыла глаза. Она и впрямь не хочет жить здесь, и после операции Оксане они уедут куда угодно. Страна большая, и должен найтись в ней уголок, где живёт и её счастье. Или хотя бы где ничто не будет напоминать о том страшном вечере.

Около дома Фёдора Максимовича ходил от тополя к тополлю сосед Степан. Увидев автобус, замахал Летуной рукой — тормози. Васька, почуввав недоброе, припал к стеклу, и сосед замахал: жду тебя, выходи. Вслед за Васькой заторопились к двери Оксана с Верой, остальные вывернули шеи, стараясь распознать новость.

Степан, только что бегавший взад-вперёд, обмяк перед пассажирами:

— Тут того... звонили из района. А к ним с Украины. Деда твоего, Василий, Фёдора Максимовича... того...

— Что “того”? — отступил Васька.

— Тромб оторвался.

— Какой тромб? Где? — одинаково боялся и торопить, и оставаться в неведении Василий.

— Где... В организме. Короче, Фёдор Максимович наш, того... помер. Нашли в лесу. Ещё вчерась. Но позвонили только что.

Васька и Вера Сергеевна, непроизвольно поймав друг друга руками, немо смотрели на Степана. Тот, судя по всему, сказал все новости и смог лишь повторить:

— Из района, короче. А туда — с Украины. Надо ехать забирать.

Ваське оказалось мало руки учительницы для опоры. Прислонился спиной к тополи, сполз по его стволу. Однако внизу, в одиночестве оказалось совсем страшно, и он выпрямился, вновь уставился на соседа: это что, правда? Не верю.

— Говорил, колокол пойдёт искать, — сообщил Степан больше для учительницы, обнявшейся с сестрой, поскольку Васька замер истуканом.

Привела всех в чувство Анька. Она вырвалась из дома с рёвом, с разбега воткнулась в брата:

— Д...д...дедушка, д...д...дедушка...

Вера с Оксаной растерянно переглянулись, не зная, как утешить осиротевших во второй раз ребят. Но материнское, бабье чувство укрывать и защищать детей поднялось из генетических глубин, и Вера оторвала Аню от Васьки, прижала к себе. Зашептала что-то на ухо — не задумываясь, не выстраивая нить. Про то, каким был хорошим её дедушка, как они ходили к “Пионерским кострам”, что скоро будут “Кукушкины слёзки” и что дедушка мечтал подсмотреть за ними хоть одним глазком. Насколько он был любознательным, много чего знал и много читал. Что сегодня она заберёт её с Васькой ночевать к себе. И как бы гордился дедушка, если бы увидел её невестой...

И когда уже добилась своей цели, и притихла Аня под мерное журчание добрых слов, со своего края улицы с причитаниями показалась баба Маня. Возможно, она не верила до конца в страшную новость, но, увидев около дома свата людей, заголосила. В селе горе приходит не в дом, а сразу на всю улицу.

Аня зарыдала снова.

— Пойдёмте в дом, — вдруг приказал Васька.

Все безропотно подчинились. На подбежавшую со вскинутыми руками бабу Маню Василий тоже так глянул, что та осеклась, обняла одну внучку. Василию, в одночасье оказавшемуся старшим в доме, предстояло среди женского плача решать первоочередные задачи для похорон. А память кусками выхватывала дела второстепенные, которые могли подождать, но почему-то торопились заявить о себе: столб в углу палисадника сгнил и валит штакетник, пора перебирать оставшуюся в погребе картошку, во дворе провисла калитка, надо под нижнюю петлю подложить гайку и таким образом приподнять... То, мимо чего до нынешнего дня пробежал не глядя, в одночасье стало его заботой, его ответственностью. С этим теперь предстояло жить.

Не ведал пока главного — как привезти с Украины деда. И дядя Егор не вовремя в больнице.

— Запряжём Орлика и привезём, — подсказал дед Степан.

— Баб соберу — обмоем, — подключилась к скорбным делам баба Маня. — И место для могилки показать надо копачам.

Хотя что показывать — место на кладбище у Буерашиных уже родовое получалось, а Фёдор заранее обнёс оградой своё будущее место рядом с женой.

— Егору как-то сообщить, — продолжала проговаривать вслух, чтобы ничего не упустить, баба Маня. — Кутью я сварю, изюма немного осталось.

— Свадьбу только не собирать, — посоветовал обойтись малым кругом приглашённых Степан.

— Кто придёт, тот придёт, — поставил точку Васька.

Его опять послушались, и собственная взрослость вдруг испугала Василия: а вдруг что-то забудет или сделает не так? Анька больше соображает в поминальных делах, но она сейчас не помощник.

Баба Маня первой уловила, как опустились плечи внука, как он сжался от непосильной ноши. Притянула к себе и его. Василь не стал сопротивляться, и это наполнило её сердце новой горечью: какой ещё дитя! А жить

теперь пусть перебираются к ним с Петром: смерть Фёдора сама распорядилась, где и с кем быть внукам.

— Ночевать пойдём к нам, — прошептала внуку.

Васька замер. Смерть деда меняла им жизнь с Анькой, и то, что вчера считалось само собой разумеющимся, сегодня требовало принятия решений. Что же ты наделал, дедушка!

— Дядю Егора подождём, — нашёл надежду оставить всё по-прежнему.

— Я пошёл за Орликом, — по солнцу прикинув время, сообщил Степан.

— Заедь за Петром, — попросила баба Маня. — Вдвоём сподручнее будет.

Конь бежал, легко вспоминая дорогу до Середина-Буды. Украинский городок для Журиничей был вдвое ближе Суземки, потому все магазины, поезда, больницы — только через Украину. Районный центр оставался лишь для получения справок да проводов в армию.

С распадом СССР дорогу перекрыли пограничники, она без колёс сначала превратилась в две колеи-тропинки, потом и вовсе заросла. Как бы не получилось, что выпало Орлику бежать по колено в траве здесь последнему. Даже если вернётся советская власть и границы уберут, дело не исправится: лошадей в селе почти не осталось.

— Хороший человек был Федыка. Замысловатый, но не вредный, — нарушил молчание управлявший вожжами Степан.

Сказал искренне, не под смерть, и Пётр согласно кивал головой, хотя отношения сватьёв секретом ни для кого в селе не являлись. А может, поддакнул всего лишь одному слову — “замысловатый”. Но не дано знать мысли соседа, даже если едешь с ним в одной телеге.

— Может, срежем наискосок? — кивнул Степан на дальнюю украинскую трассу, с середины пути побежавшую параллельно их заросшей дороге. Орлику, конечно, придётся потрудиться, выбираясь к ней по бездорожью, зато потом покатают по асфальту.

Пётр и на этот раз безропотно согласился. Они со сватом больше гыркались или вообще не замечали один другого, но оттого и печали больше на сердце, что не смогли за жизнь одолеть вражду. Интересно, а запряг бы Фёдор Орлика, случись подобное с ним?

Уверенности не проявилось, и Пётр вздохнул. Они хоть и во вражде, но жили на свете. Жалко внуков. Росли они, конечно, в Федыкиной хате, он был им ближе и роднее. Только это вовсе не значит, что он любит ребят меньше. Просто не имел права выказывать свою трепетность к ним, а когда удавалось прижать детские тельца, помнил потом эти объятия месяцами.

— Давай, Орлик, давай, милый, — подхлестнул коня Степан, когда тот встал перед крутой дорожной насыпью.

Конь скосил сливовый глаз, перебрал в неуверенности ногами, и мужики прыгнули с телеги. Пётр взял лошадь под уздцы, потащил за собой наверх, Степан уперся в телегу сзади. В натяг, все трое припадая на колени, но взяли украинский рубеж. Повторить такой же подвиг с телом Фёдора вряд ли получится, опрокинут. А это грех неусветный, чтобы живые роняли мёртвых. Возвращаться придётся официально, через пограничный пост.

Город знали, как собственные Журиничи, разыскали морг без подсказок. Там их заставили расписаться в какой-то бумажке и открыли дверь в прохладный, матово освещённый барак: забирайте, который ваш.

Фёдор лежал на крайнем топчане, аккуратно одетый и причёсанный. Заострившийся нос, выступивший вперёд подбородок и впавший рот изменили его облик, но не настолько, чтобы не узнать или засомневаться. Затоптались вокруг топчана, примеряясь, как подступиться к покойному. Толстенький санитар, не дождавшись подношения, демонстративно отвернулся и наседкой замер над остальными топчанами. Авось на каком-то и снесётся золотое яичко на обед...

— Бери за ноги, — скомандовал Степан.

Стараясь не смотреть на лицо свата, Пётр взялся за резиновые сапоги. Они скользили, одеревеневшие ноги Фёдора норовили хотя бы ещё раз коснуться земли. На телеге порядок заранее не навели, и пришлось расправлять

сбитую попону уже под умершим, чтобы ехалось ему домой мягко, без неудобств. От любопытных глаз прикрыли тело покрывалом и тронулись.

Покрывало отбросили пограничники. Сверили Фёдора с фотографией на паспорте, бдительно и проворно ощупали сено под покойным, долго созванивались по телефону, и в конце концов дали от ворот поворот:

— Вы нигде не переходили границу официально, а тело, — кивнули на телегу с умиротворённо лежащим Фёдором Максимовичем, — должно идти уже как груз. Через таможеню. Надо декларировать.

— Да вы что, ребята? Домой же везём. Человек умер, — опешил Степан. Был сосед семьдесят лет Фёдором, а в одночасье превратился в тело...

— А откуда мы знаем, где и как умер? Может, контрабандой занимался. Может, возите специально, выведывая секреты, — стояли на своём пограничники.

— Какие секреты? — простодушно не понял и Пётр.

— Ну, аэродром военный рядом. Да мало ли что задумали. Давайте назад, пока лошадь не конфисковали. Ищите какие хотите справки. Назад.

Из машин, стоявших в очереди на пересечение границы, недовольно засигналили. Орлик нервно загарцевал, пытаясь развернуться с оглоблями в узеньком, огороженном бетонными блоками, коридоре.

— Сейчас, сейчас, — бормотал Степан, стыдясь своей нерасторопности при всеобщем внимании.

Пётр тоже прятал глаза. А вот с лица Фёдора Максимовича покрывало сползало раз за разом, позволяя ветерку легонько перебирать седые волосы. И уж, наверное, большее всего было смотреть сверху на эти мытарства душе партизана. Она не могла бы точно вспомнить, сколько раз хозяин беспрепятственно ходил и ездил в Буду без всякой таможи. Или водил отряды Ковпака через некогда единый, а ныне располовиненный лес, чтобы бить общего врага. Как навещал Ивана на аэродроме, который не являлся секретным для отца лучшего молодого лётчика в полку. Произошло нечто более страшное, чем развал Советского Союза. И это “нечто” было пока недоступно для понимания неприкаянно витающей в небе души: отчего нужно разъединять людей, леса, поля настолько, что даже мёртвым нет права попасть в родной дом иначе, как в виде таможенного груза?

Грустно от подобного расклада и живым — понурим вместе с Орликом возницам...

Подъехав к месту, где утром выбирались с русского поля на украинскую дорогу, остановились. Степан стал поправлять сбрую на Орлике, выжидая, когда освободится от машин трасса. Хотя следовало поторопиться: над лесом нахлобучивалась туча, потянул свежий ветерок, будоража лошадь. Они такие, они грозу ноздрями чувствуют.

Пётр, боясь остаться с Фёдором наедине, тоже спрыгнул с телеги, принялся искать пологий спуск. Нашёл меж придорожных кустов машинный съезд. Не по нему ли вывезли колокол? Оглядели со Степаном место, но тот помотал головой не хуже Орлика, отбивавшегося от слепней:

— Перевернём. И к Алаьлихе ходить не надо. Придётся на руках.

Замешкались, не помня, головой или ногами нести тело с насыпи. Попробовали боком. Заскользили, путаясь в будылях старой травы. Как ни старались удержать Фёдора на весу, а уронили. На трассе заурчала машина, и пришлось, не сговариваясь, накрыть “контрабанду” собой.

Подняли головы, лишь дождавшись тишины на дороге.

— За нас умер, — вдруг произнёс Степан. Пётр недоумённо поднял голову, но напарник упрямо кивнул: — За нас. Мы жили — а он работал. Горел. Не было лучше соседа...

Степан словно просил прощения у покойного за все споры и насмешки, случившиеся на долгом соседском пути-житии. Можно было промолчать, никто не требовал оценок и подведения итогов, но это на похоронах, при стечении народа можно укрыться за спинами других, а когда остаёшься один на один с умершим, совесть беспощадна и заставляет каяться.

— От совести умер, — подытожил Степан.

Пётр примерил услышанное к свату. Глаза и рот у того от тряски приоткрылись, и Пётр наложил ладонь на веки родственнику. Затем оторвал лентой низ у своей рубахи, подвязал челюсть. Дела скорбные, но житейские, и кому-то требовалось заниматься и этим. Он, Пётр Соломатин, проводит в последний путь истрепавшего ему все нервы родственника с честью и достоинством.

— Веди Орлика, я побуду с ним, — отпустил Степана.

Ему было о чём поговорить со сватом. И про его непростительное, не давшее ни разу вздохнуть свободно за всю жизнь после войны. Про то, что прощает всё и сам просит прощения. Что не оставит ребят и сделает так, чтобы они берегли светлую память о нём...

Вернулся Степан, и пока поднимали Фёдора, зашелестели в голос придорожные кусты. Ветер, разогнавшись по полю, упруго ударил в спины. Они препятствием не служили, ему бы мчаться дальше, но происходящее на границе России и Украины ему чем-то не понравилось, и он закрутился юлой вокруг людей, лошади, телеги, психом расшвыряв из неё соломенную подстилку. Вмиг почерневшее небо раскололось пополам. Орлик тревожно задёргался в оглоблях, и Степан, преодолевая сопротивление вихря, продавился к нему, обнял за шею, унимая и свою, и его дрожь. Пётр навалился на телегу, вцепился в свата, — то ли как в последнюю опору на земле, то ли не позволяя ветру вознести умершего сразу на небеса, без погребения на земле. Сечкой полоснул дождь, загромыхало, потемнело вокруг, завывало...

Сколько продолжалось светопреставление, осознать, наверное, мог только Орлик. И то потому, что стоял на земле четырьмя ногами. Он и пришёл в себя первым — зафыркал, очищая забитый пылью рот. Подняли головы и старики: что это было? Знак какой или мщение? Кому и за что?

Домой, домой, надо скорее в родные стены, под родную крышу. Дома даже на кладбище спокойнее.

Глава 9

Лето пришло в Журиничи уже измождённое майской жарой.

— Вера Сергеевна, а правда, что дождь обходит наше село потому, что колокол не уберегли?

— Дядя Егор обещал новый достать. Или отлить. Не отставай. Глянь, как Оксанка с Зойкой пятками свергают.

Степенно поправив платок на голове, Аня возвела к белёсому небу глаза: это надо до “Кукушкиных слёзок” дожить, уже грудки выпирают как “здравствуйте вам”, а всё ещё прыгают по оврагам козочками. Иногда надо и своим умом жить.

— Причитания все выучила?

— Не споткнусь на ровной ямке. Главное, чтобы Женька мою куклу не нашёл. А то придётся целоваться, — от возможного ужаса Анька мечтательно расплылась в улыбке и с тайной надеждой оглянулась.

За деревьями прошмыгнули ребята, желающие подсмотреть за девичьим таинством прощания с детством. Интерес, конечно, понятный, но баба Маня учила: близко никого не подпускать, праздник не на их улице. Но авось глазастые...

— А правда, что и из соседних сёл приедут на нас смотреть?

— Пусть смотрят, не жалко. Не жалко ведь?

— После нас, первых — все не Гагарины!

Шли к озеру. Там, на поросшем муравой Рымкином берегу, уже собирались со своими куклами те из девчат, кому исполнялось двенадцать лет. Вера Сергеевна несла пучок кукушкиных слёзок — тоненьких длинных стебельков с дрожащими наверху бусинками-слёзками. Из них и требовалось сплести фигурку, обрядить её в лоскутки и ленты, чтобы затем под ритуальное пение и захоронить. После этого приходит черёд прятать любимые домашние куклы — то ли от ребят, то ли для них. Потому что кто чью похоронку усмотрит и найдёт, у того появляется право победителя для первого поцелуя.

Сладко и страшно представить — чтобы прилюдно, законно тебя целовали...

От озера им уже махали собравшиеся на берегу девочки, наряженные в длинные платья. На следующий год можно пошить с орнаментом, под русскую старину. Только вот где будет встречаться следующее лето...

Вера встрепенулась, отгоняя грустные мысли. Оксана бежит впереди, деньги спрятаны под матрасом. Сегодня опять придут две машины. Всё наладится. А к озеру и впрямь собираются взрослые, пожелавшие посмотреть на старинный обряд. Между ними главным распорядителем ходила баба Маня, одна и сохранившая в памяти рассказы своей дореволюционной бабушки.

К Ане подбежала Зойка Алалыхина, схватила за руки. И хотя Аньке не очень хотелось вступать с ней в родство-кумовство, первенство в игре решила не уступать никому. Запела вместе с ней:

*— Кукушечка, рябушечка, пойдём в лес — сплётём венец.
Покукуемся, помилуемся. Покукуемся, поцелуемся.*

Лес был далеко, и баба Маня предусмотрительно заняла место около двух берёзок, связав их ветви. К ним и подошли с двух сторон Аня и Зоя. Положили своих кукол на связанные качели и, баюкая их, как в колыбели, запросили:

*— Покумимся, подружка, с тобой, покумимся,
Чтобы век нам с тобой не браниться, не ссориться.*

Протянули друг другу в подарок ленты, под улыбки взрослых расцеловались трижды: вот и бежит время, каждая из девчонок ещё вчера сидела в коляске, а сегодня крёстных для своих будущих детей выбирает. Хотя по обрядовым правилам раскумиться можно в течение месяца, до Троицы...

Улыбалась игре Вера, выплетая общую куклу. Да забыла, что трава-то — из "слёзок"...

В какой-то миг усмотрела среди гостей Татьяну. Правду говорят, что если мужчина по запаху найдёт лишь кухню, то женщина — соперницу.

Не обманулась.

Татьяна не сводила глаз с противоположного берега, где возле заброшенной кузни сидел Егор. Даже не сидел — полулежал, издали наблюдая за праздником. Выписали из больницы или опять сбежал, как на похороны отца? Доехал на чём, ведь автобусу ещё рано? Что со здоровьем?

Татьяна размышляла меньше. Не оставляя никому надежд, всё убыстряющей походкой пошла вдоль берега к кузне. Около Веры негромко напела:

*— На горе растёт лопух.
Чтоб ты, миленький, опух,
Чтоб ты руки обломал,
Когда другую обнимал...*

Егор словно услышал частушку. Намерился подняться и уйти, но со стороны это выглядело бы, наверное, смешным бегством, и остался на месте. Татьяна присела рядом, бесполезно попыталась натянуть юбку на колени. А скорее, лишь делала вид, потому что оставила их выпирать белыми игривыми яблоками. Даже погладила — выручайте, соблазняйте.

— Гав, — разрешила добредшая вслед за хозяйкой собака.

— Прощай, наша милая кукушечка, прощай...

Девочки, уложив сплетённую куклу на покрывало, понесли хоронить её под ракиты. Торопились, потому что после этого предстояло разбегаться в стороны и прятать по кустам уже свои, домашние куклы. Выглядывали: пришли ли те, желанные, кто бросится на их поиск? Выпячивать захоронку, конечно, нечестно и некрасиво для девушки, но и не прятать же любимицу так, чтобы никто не нашёл!

Вера, как ни сопротивлялась, не смогла не повернуться к своей “захоронке”, уже найденной, к сожалению, другой. И улыбнулась: рядом с Егором сидел Пятак. Наверняка просит денег на выпивку, но спасибо ему, спасибо, что заставил Татьяну встать и отойти к воде. Пробуй, пробуй ногой воду в озере, строй из себя тонкую натуру...

— Вера Сергеевна, огонь разводить, — отвлекла от ревности баба Маня.

Щепочки и полешки были заготовлены заранее, кирпичи под самую большую в селе сковороду выставлены. Задача для деревенских девчат пустяковая, но знаковая: в конце игры приготовить яичницу и накормить ею всех присутствующих, показывая, что они уже умеют вести хозяйство и никого не оставляют голодными.

Вера присела к костру, подсунула газету, продолжая из-под локтя выглядывать другой берег. Пятак вроде хочет подняться, но Егор осаживает его, и Татьяна от досады бьёт ногой по воде. Брызгам сложиться бы на солнце в раду, но разве можно нарисовать её чёрным карандашом? Хотя какое, собственно, Вере дело до отношений двух влюблённых? Хочется им гулять — кто же мешает?

Подула легонько на уже вцепившийся в щепочки своими лапками огонёк. Вот точно так же пусть разгорается всё, что не касается её и Оксанки. А они уедут, сразу уедут, как только соберутся деньги. И не убеждает она себя в этом в сотый раз, а лишь констатирует факт.

— Пошёл отсель, бесстыдник, — раздался незлобивый голос бабы Мани.

К костру пробирался Васька. Ему, скорее всего, нужна была Вера, но прибежавшие на помощь бабе Мане девчата завизжали на чужака, как на коршуна. Вера успела лишь вопрошающе вскинуть голову: что-то с машинами и грузом? Только не сейчас!

— Я нашёл, нашёл, — раздался на весь берег голос Женьки.

Он прыгал с высоко поднятой куклой, и девчата сбились в стайку, похихикивая и тайно высматривая, кому выходить из круга на прилюдный поцелуй. Уже одёргивала сарафан Анька, но, гордо оглядев подруг, пошла навстречу замершему победителю Зойка Алалыхина. Женька отпрянул, недоверчиво посмотрел на куклу. Зойке, возможно, тоже хотелось бы поцеловаться с кем-нибудь из ребят повзрослее, с тем же Васькой, но первенство сегодня шло к ней само и уступать его она не собиралась. Подмяла пацана, и голову подняла уже королевой, ставшей в один миг повзрослевшей девицей. Усмехнулась Ваське: ждёшь свою городскую тихоню? Смотри, пропустишь вообще всё, пока с малявками милуюсь!

Анька плюхнула в сковородку несколько яиц, бросила веером соль: на чужом пиру можно и не усердствовать в кулинарном искусстве.

Первым к сковородке подскочил Васька. Это был лишь повод вновь оказаться рядом с учительницей, но он торопливо открыл коркой хлеба кусок яичницы, отправил, обжигаясь, бутерброд в рот. Закатил глаза то ли от блаженства, то ли от ожога, но неожиданно для Аньки и остальных перевернул всю приготовленную сестрой порцию себе в руку. Запрыгал от боли, но тем не менее принялся жадно, уткой глотать пищу. И только тут Анька дала волю чувствам — заревела, замахнулась опустошённой сковородкой на брата. За нелюбимую куму, за перехваченного Женьку, испорченный праздник. Не стесняясь слёз, побежала с берега. Увернулась от Веры Сергеевны, попытавшейся поймать её. Вот тебе и праздник похорон детства. Жизнь только начинает выкаблучиваться...

— Ты чего сестру родную на люди выставляешь, — замахнулась на внука берёзовыми веточками баба Маня. — Она же не для одного тебя, чурбана нетёсаного, готовила.

Васька согласно закивал, но оглянулся: нет ли чужих ушей?

— А она пусть сначала научится готовить. Пересолила так, что нутро горит, — постучал себя по груди. — Что, было бы лучше, если б чужие плевались?

Ветка в поднятой руке бабы Мани замерла, потом стала разгонять комаров. А Васька боком-боком, но переместился, наконец, к учительнице.

— Что? — встревоженно спросила та.

— Менты что-то заподозрили.

Огляделись одновременно, словно машины с мигалками уже окружали озеро. Хуже ментов оказалась Танька, выжившая Пятака и подсевшая всё ж таки к Егору. Но не это сейчас главное. Сейчас нет ничего важнее и страшнее Васькиной новости.

— Откуда знаешь?

— Они одну нашу машину, что развозила товар, задержали.

— И? — Вера обмякла.

— Надо прятать оставшиеся тюки.

— Так надо бежать... — Вера обессиленно опустила на траву. А Егор, оставив Татьяну, направляется в их сторону. Только бы ничего не узнал, от стыда не спастись!

Нашла силы встать. Стараясь не оглядываться, поспешила к дому. В сарае тюков двадцать, под кровать не спрячешь. Говорят, не бери чужое! Но ведь ради Оксанки... Если с Егором в милиции обошлись так, что попал в больницу, то с ней вообще церемониться не станут.

Испуганно оглянулась: почему не идёт следом Васька? Что-то объясняет Егору, вытирая тельняшкой пот со лба. Даже если и про контрабанду, пусть. Вдруг что-то придумает, выручит. Если не её, то хотя бы племянника. А им отсюда давно надо было бежать. Счастье, если оно и есть где-то для неё на земле, находится где угодно, только не в Журиничках. Название села придумывалось триста лет назад, будто специально для неё...

Сзади топот. Что, Вася, что, милый?

— Сказал дяде Егору. Он сейчас подойдёт.

— Ругался?

— По шее дал. Я боюсь, что это крёстный...

— Что крёстный? — хваталась, пугаясь, за каждую новость Вера.

— Я ему сказал, что мы... возим.

— Заче-е-ем?

— Чтобы помог нам.

Знает крёстный — знает Сергованцев. Знает тот — рядом Околелов. Эх, Васька, Васька...

Снова шаги. А вот теперь Егор. Как же стыдно поднимать голову!

— Тележка какая-нибудь есть? — спросил тот у племянника. Конечно, не она хозяйка...

— В дровянике без колеса.

— Бегом к нам за велосипедом.

Нет! Она не хочет оставаться наедине с Егором. Лучше она за велосипедом...

Васька услышал не её мольбу, а приказ Егора. Хотя бы ещё пару шагов к дому. Ещё! В туристических походах считаются именно пары-шаги.

— Как Оксанка?

— Сам как? — не стала объяснять очевидное.

— Победим! — сразу на всё ответил Егор.

Дом уже выглядывает крыльцом из-за колодца. Сруб над ним недавно новый поставили, покрасить лишь не успели. Но хорошо, что у Егора решительный шаг, сжатые губы и твёрдость в голосе. И пусть чья-то кошка перебежала дорогу — то глупости, потому что рядом Егор. Ей ничего от него не надо, только помочь избежать позора, милиции и тюрьмы...

Во дворе он сразу прошёл в сарай, потрогал тюки и взвалил один себе на плечи.

— Пусть Васька грузит на велосипед и везёт за кладбище, к силосным ямам.

Вера чем могла помочь — так это распахнуть калитку в огород и проводить грузчика взглядом.

— Я здесь, — услышала шёпот Васьки.

Он пытался устроить на велосипеде сразу два тюка. Вера суетливо искала верёвку, прихватила, как могла, груз. Еле протиснули “ослика” в калитку, и Васька, упираясь, покати́л его за горбатившимся между картофельных грядок Егором.

“Пронеси”, — подняла глаза к небу, боясь молиться, Вера.

Но беду требовалось отводить на земле, и она принялась вытаскивать баулы из сарая. Зацепилась подолом за торчавший в стене гвоздь, надорвала клок, заставив затрепетать его белым флажком капитуляции. Нет-нет, она не сдаётся! Вот только сбросить туфли, чтобы не мешали...

— Не таскай, тяжело, — остановил её вернувшийся Егор.

Она осмелилась поднять на него глаза. Небрит, круги под глазами. Ему бы отлежаться в каком-нибудь санатории...

— Здравствуй, — вдруг неожиданно сказал Егор и коснулся пальцами её щеки.

Как хотелось податься навстречу! Но по улице, заставив завалиться под забор Ивана Шанечкина, промчался мотоцикл без глушителя. Потом, всё потом. Сначала избавиться от тюков. И нужно ли вообще это “потом”? Оборвать всё и сразу!

— Извини, — прошептала в придавленную тюком спину уходящего Егора.

Милицейский “уазик” подъехал, едва за Васькой закрылась калитка с последней поклажей. Давая ему время пробежать огород, Вера закрыла собой вход в палисадник.

— Лейтенант Околенов. Мне необходимо осмотреть ваш дом, — с улыбкой козырнул милиционер: светила, теперь уже реально катилась на погон ещё одна звездочка...

Чтобы не оказаться в стороне от успеха и премии, торопливо оббежал пыльную морду “уазика” водитель. Поддёрнул брюки, кивнул Вере: то ли здравствуйте, то ли воистину “необходимо осмотреть”.

Как там Васька? Страх за него дал Вере силы обрести наглость.

— А что случилось? — вытирая потные ладони о платье, но не тронувшись с места, поинтересовалась у милиционеров.

Только кто же остановит падающую звезду?

— Пройдёмте в дом и узнаете, — надвинулся лейтенант.

Только и у Веры грудь не только для похотливых мужских рук. Ещё немного, ещё хотя бы малость выстоять. Грядки в огороде по тридцать метров. Потом уже можно Ваське свернуть с них и скрыться за вишнями...

— На каком основании?

Нет счастливей улыбки, чем у человека, чувствующего своё превосходство. И не перед угрозами — перед ней, презрительно-снисходительной, отступила Вера. Лихорадочно соображая, что надо гостей пригласить сначала в дом. Окошко на огороды в нём только в кухне, и если не пускать туда...

Но не пожелал Околенов идти в дом, сразу направился в сарай. Но ведь вывезли тюки, вывезли! Успели же! Только всё равно почему-то подкашиваются ноги!

Лейтенант перешагнул через валявшиеся посреди двора её туфли, скрылся в темноте сарая. Водитель юркнул следом. Нет, не должно ничего затеряться. Сама вытаскивала последний тюк. Пусто там!

— Вера Сергеевна, что тут у нас буровится? — ворвалась во двор Аня.

Вместо распахнутых объятий учительницы попала в руки появившегося сбоку Околенова. Ласково, еле сдерживая себя, улыбнулся.

— Здравствуй, девочка. Ты здесь живёшь? А что тут у вас в сарае хранилось сегодня ночью?

— В сарае? — Аня подергала рукой, вырываясь. Да только от Околенова ещё никто не уходил. По крайней мере, далеко. Да и те остались на прицеле...

— Да, в сарае. Что привозили сюда в последнее время? Ты ведь пионерка? Или ещё октябрёнок? Взрослым надо говорить правду, да? Ну?

— В сарае у нас всегда куры, дяденька милиционер. Знаете, их если не пугать, то буйные яйца несут, хорошие.

Как легко, будто хворостинку, мог переломить детскую ручку Околенов.

— Я никого не величала так за свою жизнь, как кур, — продолжала откровенничать Аня. — Не яйца, а битки. На Пасху даже в церковь ношу: мне не жалко, а Богу в подарок.

Увидев приподнявшиеся волоски на пальцах милиционера, Вера подалась к девочке: после такой наивной язвительности хрустнуть могли не только ручки, но и ножки. Наседкой укрыла девочку, только что не клонув лейтенанта. Ищите, что хотите.

Искали. Околелов в доме, сержант вызвал Веру в чулан.

— Как полицаи, — прошептала из сенец Анечка.

— Они скоро уедут.

Первым закончил греметь прошлогодними закрутками-банками водитель. Стараясь не смотреть на хозяев, поддёргивая брюки, просучил ножками к машине. Вышедший из дома лейтенант вытащил из сумки листок. Ткнул в него пальцем:

— Пиши, что претензий не имеешь. Или имеешь?

Смотрел исподлобья, но по Вере — лишь бы побыстрее уехали. Вот-вот зайдут с огорода Васька с Егором...

Расписалась одной закорючкой, как в школьном дневнике: домашнее задание выполнили, а теперь катитесь прочь.

Катиться лейтенант не пожелал. Дошёл до “уазика” вальяжно, на сиденье усаживался долго, не закрывая дверцу и не спуская глаз с Веры. И лишь когда Аня, нырнув в сарай, вынесла оттуда яйцо и понесла в подарок, махнул сержанту рукой — вперёд!

Вера бессильно опустилась на ступени крыльца. Это конец. Позор на все Журинич, на весь район. Ведь никого другого — её обыскивали как последнюю воровку. Кому какое дело, что ради Оксаны, ради... В ужасе подхватила, бросилась в дом. Деньги!

Матрац на кровати был сдвинут, и она, холодея, просунула под него руку. Заранее начиная голосить, не желая верить в свершившееся, стащила, перевернула подложенные для мягкости на доски старые одеяла. Свёрток с деньгами исчез...

— Вера Сергеевна, Вера Сергеевна, — подскочила Анечка, но куда ей было удержать оседающее тело учительницы.

Даже вбежавший Егор не успел подхватить её. Прислонилась к железной ножке кровати, безучастно посмотрела на Егора, заглядывающего в комнату Ваську.

— Что?

— Деньги пропали.

Первым движением Егора было рвануться вслед за “уазиком”, но Вера покачала головой:

— Я подписалась, что претензий не имею...

Анечка, не до конца понимая намёки, требовательно заглядывала в глаза взрослым, но Вера просто прижала её к себе. Прильнувший ласковый комочек не давал потеряться, остаться одной в этом страшном, злобном мире. Вот тебе и кукушкины слёзки...

С улицы коротко посигналили, Васька выскочил из хаты, и Егор проследил за ним в окно. Белая обшарпанная “буханка”, некогда служившая автолавкой, прижалась к самой калитке, водитель выслушивал объяснения Василия. Дело явно касалось товара, за которым он приехал из Суземки, и Егор вышел на улицу. Заговорщики умолкли, но он властно указал шустренькому, с бегающими глазками водителю:

— Чтобы духу твоего больше здесь не было.

— Могу и так, — кивнул тот. Юркнул в кабину, готовый включить передачу. Но выставил условие: — Только сначала надо вернуть товар. За него уплочено.

Васька кивнул — вернуть надо. “Уплочено”. Хату спалют или на нож возьмут — у “контрабаса” свои законы.

— Милицейский “уазик” навстречу попался? — успокоившись, стал подчищать ситуацию Егор.

— Н...нет.

А для Егора будто мигнула красная лампочка: на месте Околелова он бы сам использовал “буханку” в роли живца.

— Не видел, — поторопился более надёжно заверить автолавщик. — Может, куда свернул?

“Свернул”, — согласился Егор. Значит, Околелов ждёт в засаде. При этом и товар отдать надо, и не позволить лейтенанту взять водителя с поличным. А дорога в район одна. Остальное буераки...

— У нас товара не было и нет, — наученный собственным опытом, продиктовал для будущих показаний Егор. — Но я случайно видел, где его сгрузили.

Кивнул Василию — иди в хату, ты вообще в этой ситуации ни при чём. Сам сдвинул водителя на место пассажира, а когда тот попытался возразить, сцепил пальцами его худое колено так, что показалось — сдавили горло. Сжался ещё больше, когда выехали на кладбищенскую дорогу. Она, конечно, просматривается Околеловым издали, “буханка” слишком приметна, так что времени на раздумья и раскачку нет. А тут то ли во благо, то ли на беду, пророкотал гром. Как много в этом году его. В дождь по буеракам на “буханке” особо не поездишь, но и “уазик” — не бронетранспортёр. И “Кукушкины слёзки” не только и не столько девичье детство провожали — страна прошла со временем, когда происходящего ныне и в помине не могло быть.

— Выпрыгивай, — приказал Егор, затормозив рядом со рвом, в котором вместо силоса связанными скотчем пленными валялись тюки.

Дважды повторить не пришлось: над коленом вновь замерли тискипальцы, и водитель выскользнул наружу. Огляделся в намерении бежать, но понял бессмысленность затеи. Егор уже раскручивал проволоку на ручках задней дверной распашонки. Пыли внутри салона легло на два пальца, но ломать веники и выметать её времени не имелось.

— Первый пошёл, — отдал команду Егор.

Сам замер. В разведке сначала ощущаешь, видишь, потом слышишь. Здесь последовательность обратная: услышал поющих соловьёв. Странно, когда был на могиле отца, ничего не слышал. Значит, они, оставшиеся жить, ещё не в аду?

Вдвоём управиться с грузом, конечно, было сподручнее, но до груза при свидетеле Егор решил не касаться. Несмотря на то, что на суземской дороге показалась-таки зелёная блошка “уазика”. Шевелись!

Едва водитель вбросил последний тюк внутрь салона, Егор подтолкнул его следом внутрь, захлопнул дверцы, обернул проволоку вокруг ручек, выпрыгнул в кабину.

— Держись! — крикнул через окошко в салон.

Врубил передачу, дал газ. Пыль укажет направление бегства, но в лесу можно скрыться. Как же неразумно вляпались дети. Ещё не ведают: всё лёгкое охраняет вороньё...

Мчался вдоль кромки только-только проросшего кукурузного поля. Где там занятия по “наружке” с их требованием не оставлять ни одной зацепки, ни одной приметы? В городе — да, серым неприметным мышкам в толпе раздолье. Но попробуй остаться серой мышкой в чистом зелёном поле... Только за пыльной завесой.

Пылит нещадно, виляя ради этого колесами. Терял, конечно, скорость, но зато и слепил преследователей. Смирившийся со своей участью водитель болтался среди тюков, а Егор простреливал взглядом опушку леса: куда уходить дальше? Вглубь, к чернобыльскому пятну? Но осталась ли туда дорога, не упрёшься ли в тупик? Правее есть колея на Украину, скорее всего, как раз от контрабандистов, но там могут перехватить или даже расстрелять за неповиновение пограничники. Остаётся мчаться вдоль опушки в сторону Неруссы и партизанского аэродрома. Там уж точно вариантов больше. Запетляет.

Ударили первые капли дождя. Вот тебе и праздник, вот и кукушкины слёзки. Вот и повернулась жизнь так, что его, разведзверя ГРУ, гоняют, как зайца, по родным просторам. Неужели теперь это его доля? Грустно и смешно. Вязкий, никак не заканчивающийся сон...

Лес стремительно приближался. Не имея возможности отбежать в сторону от мчавшейся на него “буханки”, он мог лишь дрожать каждым личоточком в ожидании столкновения. Надежда была на ров, отделявший лес от поля и тщательно замаскированный бурьяном. В него и влетела “буханка”, едва не выбив себе не передние зубы, но колёса. Егор, получив удар рулём

в грудь, застонал, но справился и с болью, и управлением. Помчался вдоль опушки, сметая ветвями орешника пыль с кузова. И если до этого дорогу милиции обозначал пыльный столб, то теперь за “буханкой” оставалась прямая колея. Легче было бросить машину, но это давать в руки Околелову вещественные доказательства. “Уазик” мелькает в зеркальце, никуда не делся, особо не отстал.

— Прикройся тюками, — крикнул в салон на случай стрельбы.

Водитель опасность понял, принялся втискивать себя меж тюков с лопнувшими от тряски животами. Дождь уже барабанил по крыше, мутнил стекло. Скорость пришлось сбросить, чтобы не перелететь на очередной рытвине через стекло и собственную голову. Благо, ровно такие же условия были и у милиции.

К Неруссе подъехали при сплошном ливне. Старое русло, как и при походе на “Партизанские костры”, наполнялось водой, скрывавшей неровности и торчавшие коряги. Что и требовалось доказать.

Выбрав пологий спуск, Егор спустил машину вниз. Течение усиливалось, и на изгибе русла Егор остановился. Высунулся под ливень, высматривая преследователя. Околелов, умница, не отставал, спускался по его следам. А вот теперь, милая Нерусса, вспомни свои берега. Вернись в них окончательно, родная. Ты уже показала при прошлой грозе, что умеешь это делать. Но прежде дай вырваться самому.

— Держись, — опять не забыл про несчастного пассажира.

Вода прибывала, и, заставив дрожать “буханку” от вгоняемой в её душу мощи, начал плавно отпускать сцепление. Разогнаться уже не получалось, но скорости всё же хватило вцепиться колёсами в берег, вскарабкаться на него прежде, чем захлебнулся мотор не переваренной горючкой. Сзади сквозь шум грозы слышался не менее нагсадный рёв “уазика”, но не в натяг, а с завыванием: так пытаются вырваться из трясины. Да. Да! Пробуйте, голубчики. Сильнее! Каждый ваш нервный рывок — это закапывание в песок.

Егор вылез из машины. Вода в русле уже шумела, пенилась, набирая силу. Слышались голоса милиционеров, но такие не утонут, такие ценой собственной жизни технику спасти не станут. Поэтому выберутся.

Развязал проволоку на дверце, отворил темницу.

— Едешь по берегу до старого аэродрома. Оттуда выберешься.

— Понял, — закивал пленник, торопливо занимая водительское место.

А Егор вышел на берег. Зверино оскалась, вслушался в крики посреди реки. Намерился зашагать прочь, но увидел в волнах разливающейся Неруссы бумажные клочки. Не сразу дошло, что это деньги. Пока раздумывал, броситься за ними в воду или нет, в волнах показался Околелов. Вместо того чтобы спастись, падая и захлёбываясь, он ненасытно хватал и хватал бумажки. Падал и хватал, падал и хватал...

День уже перевалил за вторую половину, когда Егор подошёл к селу. Около дома Веры увидел военкомовскую “Волгу”. Околелов запряг? На крыльцо выходить никто не торопился, а он тоже никуда теперь уже не спешит. Только и в ловушку замкнутого пространства заходить не собирается.

Сел на ступеньки у крыльца. Подновить бы надо, да и покраска просится, от прежней одни коричневые пятнышки остались. И почему-то начали зудеть шрамы от колумбийских кандалов. Чуют российские наручники?

В сенцах слышались шаги, за спиной распахнулась входная дверь. Как всё же неприятно встречать неизвестность спиной...

(Окончание следует)